

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ФИЛИАЛ

**350 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПЕТРА I**

*Материалы регионального научного симпозиума
с международным участием
(Барнаул, 25 мая 2022 г.)*

Барнаул
2023

УДК 94+908
ББК 63.3+28.29
Т681

Т681 350 лет со дня рождения Петра I: материалы регионального научного симпозиума с международным участием (Барнаул, 25 мая 2022 г.) / Под ред. С.В. Цыба. – Барнаул: Издательство ООО «Пять плюс», 2023. – 88 с.

ББК 63.3+28.29

Содержание

<i>И.А. Панарин</i> Вступительное слово	4
<i>Д.С. Бобров</i> Тенденции формирования российской границы на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в.....	6
<i>Н.В. Бредихина</i> Роль исторического сознания в мировоззрении людей XVIII века.....	13
<i>Д.С. Дегтярев</i> Роль Петра I в процессе присоединения Алтая к России.....	19
<i>Ю.М. Гончаров, М.Т. Джуманиязова</i> Торговые отношения между Сибирью и Средней Азией в XVIII–XIX вв.....	29
<i>В.Н. Ильин</i> Петр I и старообрядчество (к вопросу об истории государственно–конфессиональной политики в России)	39
<i>В.В. Исаев</i> Роль сибирского казачества в колонизации Алтая в период правления Петра I и последующей истории региона	53
<i>А.В. Контев</i> Роль Петра I в развитии горного дела в Сибири.....	67
<i>С.В. Цыб, Т.В. Кайгородова</i> Времяисчислительная реформа Петра I	77
Приложение	83

Вступительное слово

В 2022 г. в России широко отмечается 350-летие со дня рождения величайшего в нашей истории реформатора Петра I. Трудно назвать те области политической, экономической, социальной и культурной сфер, которые бы не затронули проведенные им великие реформы конца XVII – первой четверти XVIII в. Без преувеличения можно сказать, что петровские преобразования превратили Российское государство в страну европейского уровня, создав основы для ее дальнейшего поступательного развития. Принципы военного и военно–морского строительства, созданные Петром более трех столетий назад, сохранялись на протяжении многих лет и всегда позволяли России обеспечивать свою независимость и суверенитет, многие элементы системы государственного управления с различной степенью эффективности действовали до начала XX столетия, петровские новации в экономике неумолимо вели к появлению прогрессивных форм хозяйствования, а последствия изменений в социальной, образовательной и культурной областях сказываются даже в наше время. Мы должны быть признательны Петру I и за основание того великолепного города, который на протяжении нескольких веков был столицей Российской империи и до сих вызывает наше восхищение и уважение.

Конечно же, как и все прочие действия исторических деятелей прошлого, петровские реформы носили противоречивый характер, чего никогда невозможно избежать при резком изменении старых традиций на новые. Жесткость и даже жестокость реформаторских методов Петра могут вызывать, с одной стороны, осуждение, но, с другой, они объяснимы с учетом социально–экономических и политических реалий того времени, масштабами поставленных задач и грандиозными географическими размерами реформаторских замыслов.

Все это заставляет нас проявлять неизменный интерес к памяти о личности этого выдающегося представителя нашей истории пограничья XVII и XVIII вв. Как раз поэтому на пло-

щадке Алтайского филиала РАНХиГС проводится научный симпозиум, посвященный 350-летию со дня рождения Петра I. Задачи нашего собрания заключаются не в открытии новых исторических фактов петровского правления, но в поиске новых характеристик и оценок петровских преобразований, в определении их значимости для исторического развития России и, что особенно важно, для изучения влияния петровских реформ на социально–экономическую и политическую историю нашего региона.

Желаю всем участникам симпозиума успеха в работе.

*Директор Алтайского филиала ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
д.псх.н., профессор
И.А. Панарин*

Д.С. Бобров
*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
университет»*
(Барнаул, Россия)

Тенденции формирования российской границы на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в.*

Завершение становления в России современного государства требовало от правящих кругов XVIII в. изменения подходов к осознанию, определению и фиксации рубежей страны. Особенно это касалось окраин, в частности, южносибирских, где, начиная еще с предшествующего столетия наблюдалось несколько волн обострения геополитической конкуренции с Джунгарским ханством.

Советская историография практически не уделяла внимание вопросам институционализации границы на юге Западной Сибири, концентрируясь на ретроспективе социально-экономического развития территорий (в первую очередь, крестьянской колонизации) и строительстве военно-инженерных укреплений [Громыко, 1965; Булыгин, 1974; Огурцов, 1990]. В 1990-е гг. этот тренд в целом сохранился, несмотря на появление первых фундаментальных исследований по истории казачества в регионе [Ивонин, 1996; Уманский, 1999; Огурцов, 1999]. Монографические исследования последних двух десятилетий, которые напрямую посвящены или затрагивают генезис государственных рубежей, в силу очевидного уклона в сторону картографических материалов лишь отчасти отвечают на вопрос о ключевых тенденциях формирования границы [Бородаев, Контев, 2007; Бородаев, Контев, 2015; Соболева и др., 2012; Историко-географические образы, 2016].

Следует учитывать, что государственные рубежи в XVIII в. уже обладали многими признаками социального института, в том числе тем, что их складывание и становление

*Работа поддержана средствами программы развития ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» «Приоритет-2030».

увязывались с осуществлением конкретных устоявшихся взаимодействий и практик. Характер эволюции дипломатического дискурса и протокола Раннего Нового времени [Боронин, 2004] предполагал ощутимое движение в сторону современных подходов установления границ. Ключевым маркером завершения соответствующей процедуры в исторических реалиях XVII–XVIII вв. становилась признанная обеими странами делимитация¹, не демаркация (которая для сибирских окраин в раннеимперский период имела характер исключения, нежели правила, а относительно достоверные сведения о ее проведении относятся лишь к одному из участков российско-китайских рубежей [Полное собрание, с. 511]).

Письменное соглашение о делимитации границ России и Джунгарии, а также чертеж с соответствующим нанесенным контуром, признанным сторонами, на протяжении всей первой половины XVIII столетия отсутствовали [Историко-географические образы, 2016, с. 40–41].

Имперские власти не видели острой необходимости в определении четких рубежей в Иртышско–Енисейском междуречье и их фиксации в договоре по причине, как минимум, двух сопряженных факторов. Первый в свое время был выражен сибирским губернатором М.П. Гагариным, который считал потенциальное разграничение между странами препятствием начавшемуся утверждению влияния России в Джунгарии (в виде установления в обозримом времени протектората или каким-либо иным способом). Второй заключался в опасениях, что завершенная и признанная ключевыми факторами региона делимитация потенциально могла замедлить или помешать дальнейшему более глубокому продвижению в Центральную Азию, конечные пределы которого, если и очерчивались в правление Петра I, то делалось это в довольно общей, абстрактной формуле «достичь Эркенда». Значимость данного

¹ В установлении границ, как правило, выделяют три стадии: размещение, делимитацию и демаркацию. Делимитация – составление подробного описания прохождения линии границы и нанесение соответствующих контуров на карту.

стратегического и геоэкономического фактора еще более усилилась после открытия первых месторождений полиметаллических руд в предгорьях Алтая [Бородаев, Контев, 2015, с. 378] на фоне колоссальных еще не разведанных территорий.

В свою очередь, ойратские правители в качестве средства противодействия России в Верхнем Прииртышье и Верхнем Приобье развивали мифологему о якобы имевшем место еще в середине – второй половине XVII в. соглашении об установлении границы по линии «Омь – Иня». Серьезность таких претензий в начале второй трети XVIII столетия прямо или косвенно подтверждали Г.Ф. Миллер, сибирский губернатор А.Л. Плещеев и геодезист Я. Филисов [Сибирь, 1996, с. 20; Историко–географические образы, 2016, с. 53–55]. Между тем соответствующего письменного договора в XVII в. по целому ряду причин сложиться не могло. В джунгарской дипломатии второй половины XVII – первой четверти XVIII в. налицо было сохранение приоритета устной традиции, соответствующих практик и процедур протокола [Боронин, 2004]. К 1730–1740-м гг. хунтайджи и его приближенные были не против зафиксировать делимитацию рубежей в Обь–Иртышском междуречье в письменной форме (особенно на фоне усиливавшегося давления как со стороны России, так и Цинской империи), но в силу сохранявших свое решающее значение подходов традиционного права рассматривали возможное соглашение как временную сделку, компромисс, который со временем мог быть пересмотрен, в том числе и в одностороннем порядке.

В результате на юге Западной Сибири установилась во многом парадоксальная ситуация, когда отсутствие делимитированной границы на протяжении довольно длительного периода времени, по большому счету, было выгодно обоим конкурировавшим государствам. Вместе с тем попытки российских властей в начале 1730-х гг. самостоятельно определить и закрепить в этом районе наиболее оптимальный контур рубежей страны (фактически осуществить одностороннюю делимитацию, с этой целью в предгорья Алтая была отправлена

экспедиция П.А. Мельникова [Историко-географические образы, 2016, с. 56–60]) вполне закономерно не привели к ощутимым результатам, поскольку они могли оказать влияние только на региональный и местный административный дискурс. Неизбежным следствием сложившегося положения стало возникновение нескольких измерений границы России в регионе.

Официально–дипломатическое находило отражение в посольских материалах, документах центральных и региональных властей и сводилось к обоснованию в рамках концепции «захватного» права суверенной юрисдикции России (как покорителя и приемника Сибирского ханства) на территории бассейнов крупнейших рек региона (Оби и Иртыша) до верховий [Боронин, 2004], иными словами, на все Верхнее Обь–Иртышье вплоть до озер Зайсан и Телецкого (включительно). Локально–управленческое было связано с фактическим пределом административной зоны ответственности местных и локальных управленческих структур (округи российских укреплений). Третье измерение, картографическое, пыталось нащупать определенный баланс между первыми двумя, создавая на чертежах, на фоне отсутствия единого стандарта и подходов к обозначению рубежей, некое промежуточное видение, в соответствии с которым линия российской границы вплотную подходила к Телецкому озеру или даже достигала его южной оконечности, а в Прииртышье ограничивалась районом Усть-Каменогорской крепости [Историко-географические образы, 2016, с. 42].

Несмотря на свою неидентичность, все три восприятия государственных рубежей напрямую не противоречили друг другу, а взятые в совокупности усиливали эффект «открытой» границы. Такой подход позволял имперским властям различного уровня оперативно корректировать тактические приоритеты в зависимости от военно-стратегической, геополитической и освоенческой конъюнктуры в Иртышско–Енисейском междуречье.

Довольно длительное, фактически на протяжении почти половины столетия, существование феномена «открытой» границы в региональном и местном административном дискурсе Сибири сочеталось с незыблемым, унаследованным из XVII в. положением о том, что любое несанкционированное (без указа или приказа, инструкции и т.д.) пересечение государственных рубежей являлось преступлением. Несмотря на то, что российские остроги и крепости в регионе, по емкому замечанию Н.А. Березикова, являлись центростремительными пространства [Березиков, 2014, с. 20], локальные восприятия и трактовки российских пределов ими не ограничивались. В условиях отсутствия большого числа укреплений в приграничной зоне именно регулярные контакты и взаимодействие местного населения (как русских, так и коренных жителей Сибири) с подданными джунгарского хунтайджи определяли ментальные контуры государственных рубежей. В сочетании с фактором «степи», то есть порубежных районов на левобережье Оби и Иртыша, не находившихся под полным контролем российских властей, но использовавшихся служилыми людьми и крестьянами для сельскохозяйственной деятельности [Историко–географические образы, 2016, с. 62–63], это делало невозможным существование единой линии границы, предопределяя неизбежность фактического статуса предгорий Алтая как буферной зоны (о которой в свое время писал еще Ю.С. Булыгин [Булыгин, 1974, с. 6]).

Таким образом, формирование государственной границы на юге Западной Сибири в первой половине XVIII в. носило довольно сложный, не линейный, а скорее гибридный характер развития. Природа его возникновения связана с переходным состоянием дипломатического и административного дискурсов как России, так и Джунгарии, очевидной разнонаправленностью интересов сторон, логикой и задачами продвижения российского влияния в Центральную Азию. Изменившаяся в 1750-х гг. геополитическая ситуация в регионе позволила частично использовать опыт не до конца завершенной инсту-

ционализации рубежей для установления российско–китайской границы.

Библиографический список

1. Березиков Н.А. Образ сибирского острога в пространстве «новых земель» (по материалам донесений казаков XVII в.) // Баландинские чтения: сб. ст. VIII науч. чтений памяти С.Н. Баландина. Т. IX. Ч. 1. Новосибирск: НГАХА, 2014. С. 19–26.
2. Бородаев В.Б., Контев А.В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). 2-е изд. Барнаул: Азбука, 2007. 214 с.
3. Бородаев В.Б., Контев А.В. Формирование Российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620–1720 гг. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 415 с.
4. Боронин О.В. Погранично-территориальный вопрос в российско-дунгарских отношениях первой половины XVIII в.: теоретический аспект // Востоковедные исследования на Алтае: сб. науч. ст. Вып. 4. Барнаул: Азбука, 2004. С. 25–33.
5. Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. 144 с.
6. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / пред. и прим. Н.И. Веселовского // Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 10. Вып. 2. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. XLVI, 276 с.
7. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука, 1965. 267 с.
8. Ивонин А.Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. 226 с.
9. Историко–географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII – начала XX в. / под ред. Т.Н. Соболевой, Д.С. Боброва. Барнаул: Азбука, 2016. 440 с.
10. Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика России на юге Западной Сибири в XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1990. 22 с.
11. Огурцов А.Ю. Иртышская пограничная линия // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. С. 19–35.
12. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук по предложению ее президента: в 7 т. Т. 6: Записка путешествия академика Фалька. СПб., 1824. 546 с.

13. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г.Ф. Миллера / изд. подгот. А.Х. Элерт; отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6)

14. Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул: Азбука, 2012. 260 с.

15. Уманский А.П. Кузнецк и Алтайские остроги // Кузнецкая Страница. Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1999. Вып. 3. С. 3–18.

Н.В. Бредихина
*Алтайский филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
(Барнаул, Россия)*

Роль исторического сознания в мировоззрении людей XVIII века

XVIII в. для России был веком формирования основ мировоззрения, определивших дальнейшее развитие русской культуры.

Реформы Петра продолжились и после его смерти несмотря на бурную эпоху дворцовых переворотов. Устойчивый вектор развития Петровских реформ, во многом, определялся системой ценностей сформированной дворянской культурой. Одним из фундаментальных основ этой культуры было особое отношение к истории. Самооценка людей XVIII в. в основном сводилась к тому, что они впервые в истории русского государства и общества почувствовали себя «новыми людьми» и противопоставляли себя «старым людям» допетровской эпохи. Так, в сочинениях А. Кантемира отмечалось, что в результате «указов Петровых <...> стали мы вдруг народ уже новый», что, свидетельствовало о глубоких переменах, происходящих во всей системе русской культуры. Задавалось «нулевое» состояние культуры, повлекшее за собой пересмотр отношений между настоящим и прошлым, что не могло не привести к созданию новой модели понимания истории.

Необходимо отметить, что разрыв с предыдущей моделью интерпретации истории не был формальным. Предельно обобщая и схематизируя, можно сказать, что модель интерпретации исторической реальности Московского царства не могла не быть символической по своей конструкции, поскольку любое событие рассматривалось как реализация Священного писания. Так, в убийстве Ярополком Глеба и Бориса сред-

невековый человек видел прежде всего убийство Каином Авеля, если вообще можно говорить о моделях интерпретации исторической реальности, поскольку для средневекового человека смысл Священного писания обладал вневременным, над историческим значением.

Во-первых, сознательно прерывалась связь времен, все московское предавалось забвению; во-вторых, символические модели более не отвечали потребностям общества, возникала необходимость в эмблематических фигурах, однозначно прочитываемых обществом.

Таким образом, историческая реальность начала XVIII в. формировалась в условиях противостояния двух обликов страны: «допетровской Руси», олицетворявшейся в исконном домостроевском укладе жизни москвичей, и России «новой», преображенной реформами Петра и усвоившей европейские нормы жизни.

Обращение к истории было вызвано радикальными общественно–политическими изменениями, происходившими в стране в ходе реформ Петра I. Русские почувствовали себя «политическим народом», что позволило им взглянуть на себя с исторической дистанции. Петровские реформы создали ситуацию, которая диктовала необходимость обращения к эмблематической модели понимания истории.

В узком смысле эмблема «представляет собой *специфическую форму или конструкцию*» [выделено мной. – Н.Б.], получившую свое классическое выражение в сборниках–компендиумах, так называемых эмблематах в Европе XIV–XVIII вв. В этом виде она является сочетанием рисунка (изображения) и подписи (и / или девиза, и / или объяснения). Семиотический эффект эмблемы описывается как «возникновение нового типа знака в результате взаимодействия иконического и конвенционального элементов» [Григорьева 1997, с. 424]. В более расширенном варианте эмблема может быть представлена как «конструкция, сочетающая общее и частное, правило и пример, идеал и реализацию» [Григорьева, 1997, с. 424].

История воспринимается обществом в рамках эмблематической пары «правило – пример», где в качестве «правила» выступали герои и события прошлого, а в качестве «примера» – современные события и люди.

Поскольку в XVIII в. русское общество очень активно обучалось новым формам культурного бытия, доминантное положение эмблемы становится вполне объяснимым, так как в конструкции эмблемы план выражения формирует план содержания.

Русское общество на протяжении всего XVIII в. стремилось к созданию эталонов своего исторического времени, к означиванию себя во времени, к констатации новых общественных явлений, что является характерными признаками этапа становления общества нового типа. Конструкция эмблемы реализовывалась следующим образом: настоящее, чтобы обрести значимость в глазах современников, должно было иметь исторические прототипы, отсюда такая популярность темы «пользы истории», постоянно присутствующей в общественном сознании XVIII в. Одним из основоположников этой традиции в России можно считать С. Кохановского. В сочинении «Похвала истории» (1721) он пишет, что история «поучает о должности приватного нашего жития» [Кохановский 1979, с. 282], и далее продолжает: «История не что иное есть, точию жизнь человеческого зерцало; яко же бо в зерцало смотрящих удобь может поморанное лице свое отерти, тако и во историях, что полезно и честно и что худо и бесчестно зделано, и что от нас подобне честно и бесчестно быти может, – ясно видим» [Кохановский 1979, с. 282]. Традиция изложения исторических событий в качестве примеров для морального поучения была характерна для всего XVIII в. В этот период появляется множество исторических сочинений отечественных авторов, в которых русская история излагалась не только «от древнейших времен», но и «от Адама».

Античная мифология с ее ориентированностью на подвиг и самопожертвование во имя государства как нельзя лучше подходила для официальной идеологии абсолютизма, гос-

подствующей в Европе и установившейся в короткий срок в России в ходе реформ Петра I. Более того, религиозная символика трансформируется в государственную. Так, Гавриил Бужинский в речи, произнесенной 30 мая 1717 г., прославляя Петра, говорит: «...но якоже подражаша Орлу небесному истинный птенец его св Исаакий, тако и в день его рожденный Орел Российский, воистину птенец Орла небеснаго, Присветлейший монарх Всероссийский Петр I, тех же следов к небеси и подражатель и хранитель, не иными степенми тако жими, имиже возлете. Орел небесный и се орел Всероссийский возлетает сими степенми» (Проповеди Гавриила Бужинского, 1901, с. 67).

Следует подчеркнуть, что эпоха от Петра I до Пушкина, это эпоха презумпции единства культуры и государства. Такое слияние определяло вектор общественного развития, следовательно, господство античной мифологии не воспринималось как исключительно идеологическое явление, напротив, оно было характерно для всех сфер культуры данной эпохи. Нравственно–поведенческая парадигма также формировалась под воздействием представлений об античности, более того, свое дидактическое значение культ античных героев сохранял еще и в начале XIX в., о чем свидетельствует реплика будущего декабриста Никиты Муравьева, произнесенная на детском балу: «Мама, разве Аристит и Катон танцевали?» [Лотман, 1988, с. 194].

Современность обосновывает собственную значимость, обращаясь к античному образцу, нисколько не заботясь о его достоверности, поскольку образец призван подчеркнуть значимость событий настоящего. Однако следует помнить, что для XVIII в. «античный образец являлся не культурным прошлым, а культурным настоящим» [Михайлов 1997, с. 515]. Необходимо отметить, что античность в глазах человека XVIII в. представляла собой эталон культурного совершенства и меру исторического самосознания. Традиция обращения к античности как к образцу героического поведения сложилась еще в начале XVIII в. и получила дальнейшее развитие в твор-

честве поэтов В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова, М.В. Ломоносова. Так, в «Оде на день тезоимениства <...> великого князя Петра Федоровича» (1743) Ломоносов уподобляет русских солдат Ахиллам:

Под иную Трою вновь приступил
Российский храбрый Ахиллес.
Продерсский меч врагов притупит,
Хвалою взойдет к верху небес
[Ломоносов 1979, с. 106–107].

В своем увлечении античностью XVIII в. просто не замечал статической дистанции между современностью и прошлым. Исторические тексты античности в их истинном смысле не интересовали людей той эпохи, они воспринимали их аллегорически и с их помощью утверждали свое присутствие в истории; в этом смысле это был прагматический, а не научный интерес.

Точно так же действовали и деятели Французской буржуазной революции, когда апеллировали к событиям времен Римской республики. Как подчеркивал Р. Барт, цель данной апелляции заключалась «не только в том, чтобы сообщить или выразить нечто, но и в том, что бы утвердить сверхъязыковую реальность – Историю – и наше участие в ней». [Барт, 2000, с. 215].

Прагматический, живой интерес к истории, поддерживаемый государством, распространялся на все пространство государства, от столицы до провинции, каким и был Колывано-Воскресенский горный округ. На Колывано-Воскресенских заводах за палеонтологические и археологические находки в начале XIX в. полагалась премия 10 рублей, годовая зарплата рабочего была 20 рублей. (Алтайский государственный архив ф.1, оп. 2 л. 141).

Библиографический список

1. Алтайский государственный архив ф.1, оп. 2 л. 141
2. Барт Р. Мифологии М., 2000.
3. Григорьева, Е.Г. Эмблема: принцип и явление// Лотмановский сборник. Т. 2. - М., 1997.
4. Кохановский, С. Похвала истории // Литература и история: сборник статей. Вып. 1 / Под ред. Ю.В. Стенника. СПб.,1992.
5. Ломоносов, М.В. Слово похвальное Ея величеству государыне императрице Елисавете Петровне // Полное собрание сочинений. Т. 8. М.; Л., 1952.
6. Лотман, Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988.
7. Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727). Юрьев, 1901.

Д.С. Дегтярев
(Барнаул, Россия)

Роль Петра I в процессе присоединения Алтая к России

Потомки считают Петра Алексеевича выдающимся правителем. Одна из причин этого – его успешная внешняя политика. Петр присоединил к России очень важные для нее территории, поэтому он велик. Впрочем, рассуждая о территориальных приобретениях нашей страны при Петре, обычно вспоминают берега Балтийского моря, устье Невы, портовые Ригу и Ревель. И почти никто и никогда не говорит о расширении России на востоке, которое тоже имело место в петровскую эпоху. Про это нет ни строчки в школьных учебниках, на этом не акцентируют внимание в вузах. А между тем новые восточные земли сыграли колоссальную роль в истории России. Речь здесь идет, прежде всего, об Алтае. Именно Алтай спустя полвека после своего присоединения стал «кошельком империи», его ресурсы обеспечивали победы в важнейших войнах, экономический рост и блеск императорской фамилии.

Но было ли присоединение Алтая к России осознанным? Знал ли Петр I о стратегических последствиях этого приобретения? Чтобы разобраться с этим вопросом, нужно ответить на два других: что вообще могла получить Россия, присоединив Алтай, и предпринимались ли попытки овладеть этим регионом до Петра?

Надо понимать, что в XVIII в. термин «Алтай» применялся только в отношении Алтайских гор, включавших в себя и Рудный Алтай с верховьями Иртыша. Верхнее Приобье от слияния Бии и Катунь до устья Томи чаще носило название «Телеутская земля» (по имени народа телеутов, проживавшего здесь вплоть до 1719 г.). Мы же, говоря о присоединении Алтая, будем иметь в виду Алтай в современном понимании, то есть и Алтайские горы, и равнины Верхнего Приобья.

Русские люди попали в эти края в первой трети XVII в. В 1604 г. был основан Томск, а в 1618 г. – Кузнецк. Эти два острога стали опорными точками для проникновения

русских далее на юг и юго–запад. В то же время движение вдоль Иртыша на юго–восток опиралось на город Тара. Частые контакты с местными населением позволили русским получить представление о землях нынешнего Алтая. Стало известно, что в верховьях Оби простирается степь, пригодная для земледелия. Также там есть боры, а в Алтайских горах – тайга, в которой обитает пушной зверь. Все это уже делало Алтай привлекательным для колонизации местом. Ведь пушнина была важнейшим экспортным товаром, а хорошие хлебопахотные угодья могли бы обеспечить продовольствием русское население Сибири. Кроме того, Россия остро нуждалась в рудах, как в железе и меди, так и в драгоценных металлах. Горы Алтая вполне могли содержать месторождения этих руд. Какую-то часть металла можно было бы получить из древних курганов, разбросанных по приобским и прииртышским степям. «Фактор металла» должен был притягивать к себе Россию и русских как магнит. Таким образом, у России были важные и объективные экономические интересы в этом регионе. А это являлось достаточным основанием для присоединения данной территории.

Но был и политический мотив. Чтобы в нем разобраться, необходимо бегло взглянуть на события, происходившие здесь в течение XVII столетия. В 1630-х гг. завершилось формирование западномонгольского (иногда его называют ойратским) государства – так называемого Джунгарского ханства. Подданными и вассалами контайши (хана) стали кочевые народы Верхнего Приобья, Прииртышья и Горного Алтая. Одновременно экспансию в этот регион начала и Россия. В 1632 г. отряд казаков под командованием Пущина двинулся вверх по Оби, дошел, как минимум, до устья Чумыша и был встречен местными телеутами. Произошел бой. И хотя русские имели лучшее вооружение, им пришлось повернуть назад. Это стало сигналом, что просто так занять эти земли не получится. В следующем году русские двинулись от Кузнецка в Алтайские горы. Отряд Собанского дошел до Телецкого озера и обложил ясаком местные племена. Но после ухода рус-

ских телесы сразу же вышли из подчинения. Понадобился еще один поход, но и он не привел к окончательному покорению телесов. Стало ясно, что и на этом направлении расширить русскую сферу влияния пока не получается. Постепенно установилась условная граница русских и джунгарских владений в Верхнем Приобье по рекам Омь, Бердь и Салаирскому кряжу.

В течение следующего столетия Россия и Джунгария были соперниками и конкурентами в борьбе за Алтай. При том, что в целом Россия была, несомненно, сильнее ойратского ханства, в данном месте она не имела преимуществ. В Сибири было мало как русских войск (хотя бы в виде казаков), так и вообще русских людей. И только накопив силы, Россия смогла бы продолжить борьбу за Алтай. Пока же русско–джунгарская граница была местом беспокойным. И Россия была заинтересована в том, чтобы отодвинуть ее как можно дальше на юг, обеспечив безопасность уже хорошо освоенных районов Сибири. В этом заключалась военно–политическая мотивация присоединения Алтая.

Итак, у России были причины продвигаться на земли степного и горного Алтая. И первая попытка овладеть этим краем была предпринята задолго до Петра I. Эта попытка оказалась неудачной, поэтому присоединение Алтая стало для нашей страны еще одной важной задачей, ждущей своего решения. И решить ее в основном смог как раз Петр Великий.

Политика царя–реформатора стала катализатором, значительно ускорившим продвижение русских в пределы Алтая. Во-первых, ужесточалось крепостное право, что провоцировало бегство крепостных от своих помещиков. Подавление восстания К. Булавина (1708 г.) закрыло для беглецов возможность укрыться на Дону. Крестьяне стали искать новые места, где бы их не могли найти власти и вернуть хозяевам. Таким местом была Сибирь. Огромные просторы делали поиск проблематичным, да и государство нуждалось в заселении и освоении этого края русскими, поэтому не сильно препятствовало «вольной колонизации» восточных окраин. С другой стороны, Сибирь за столетие была уже достаточно освоена, чтобы бег-

лецы не чувствовали себя совершенно одинокими в чужом мире. Поскольку Верхнее Приобье было наиболее пригодным для земледелия регионом Сибири, взоры вольных колонистов обратились именно сюда.

Другой поток вольных переселенцев, искавших лучшей доли на Алтае, составили старообрядцы. Гонения на них также усиливались в петровскую эпоху. Как и беглые крепостные, старообрядцы искали легендарное «Беловодье», счастливую страну, где много разных ресурсов и нет гнета помещиков и царя. И, как ни странно, они на первых порах нашли на Алтае именно это. Правда, период «воли» был очень коротким. Приход в наш край Демидова, а затем и царских чиновников заставил старообрядцев уходить из равнинной местности в горы: сначала на Бухтарму, а в конце XVIII в. на Катунь. Крестьянская и старообрядческая вольная колонизация Алтая стали первым серьезным шагом на пути его присоединения к России.

Еще один фактор петровской политики, ускоривший покорение Алтая – это Северная война. Во время нее Россия отчаянно нуждалась в черных, цветных и драгоценных металлах. И если потребность в железе и меди удалось хоть как-то покрыть за счет разработки месторождений на Урале, под Тулой и в Олонецком крае, то адекватного количества золота и серебра найти не удавалось. Правда, в Нерчинске за Байкалом добыча серебра началась еще в конце XVII в., но месторождения там были не слишком обильными и находились чрезмерно далеко от центра. Неудачной оказалась и попытка начать добычу драгоценных металлов в Кузнецком крае. Поиск нового источника золота и серебра в Азии в петровское время развернулся по двум направлениям. Это – «бугровой промысел» и «поход за яркендским золотом».

«Бугровой промысел» представлял собой поиск и разорение древних курганов, находившихся в степи и предгорьях Алтая. На первых порах, когда курганов было много и большинство из них не было вскрыто, этот промысел давал хороший доход. Количество найденного в «буграх» золота иногда

даже превышало объемы добытой золотоносной руды. Но этот источник золота, естественно, быстро иссяк. Однако промысловики—«бугровщики» в поисках новых курганов продвигались все дальше на юг, к горам, разведывая все новые и новые земли. Они для Алтая на какое-то время стали аналогом казаков—землепроходцев для остальной Сибири. Как и землепроходцы XVII столетия, «бугровщики» опирались на русские крепости и остроги, например, на Чаусский острог (нынешняя Колывань Новосибирской области).

«Яркендское золото» (якобы имевшие место несметные богатства в оазисе Яркенд в Центральной Азии) оказалось недостижимым в силу своей удаленности, да и вообще было, скорее всего, химерой. Организованный сибирским губернатором Гагариным поход в сторону Яркенда, конечно, не достиг своей цели. Но он положил начало продвижению русских вверх по Иртышу.

Итак, Петр Алексеевич своей внутренней и внешней политикой «толкнул» людей на Алтай. Именно в годы его царствования совершился первый этап освоения этих земель и началось присоединение нашего края к России.

В то же время, Петр не забывал время и о решении задач безопасности своих юго—восточных границ. В первой четверти XVIII в. Россия перешла в решительное наступление на джунгарскую сферу влияния, стремясь закрепить за собой «Телеутскую землю». Впрочем, первая крупная попытка сделать это окончилась неудачей. Основанная в 1709 г. Бикатунская крепость была через год сожжена кочевниками. Тогда основные усилия были направлены вдоль Оби. В 1713 г. был основан Чаусский острог, ставший опорным пунктом для «бугровщиков». Еще через 4 года отряд И. Максюкова прошел вдоль Оби вверх и основал Белоярскую крепость (ныне микрорайон Велижановка города Новоалтайска). В следующем, 1718 г., другой отряд русских вернулся в низовья Бии и создал там Бийскую крепость. Параллельно шло «наступление» вдоль Иртыша. С 1715 по 1720 гг. были созданы Омская, Ямышевская, Семипалатная и Усть—Каменогорская крепости.

И на обском, и на иртышском направлениях русские вышли в предгорья Алтая, закрепив свое присутствие в степной его части. Обширный район от рек Омь и Бердь до Алтайских гор и от Иртыша до Салаирского кряжа был де-факто присоединен к России и поставлен хотя бы под частичный военный контроль.

Двигаясь вверх по Оби, русские отряды уже встречали здесь первые небольшие деревни «вольных» колонистов. Известно, что уже в конце XVII – начале XVIII в. возникли такие населенные пункты, как Кармацкая, Повалиха, Кислуха, Бобровка и ряд других. Появление русских крепостей сделало проживание крестьян более безопасным. В то же время, земледельцы могли кормить гарнизоны острогов. Так вольная колонизация и государственная экспансия поддерживали друг друга, превращаясь в единый процесс освоения территории.

А что же Джунгария? Ее правитель получил от Петра Алексеевича письмо, в котором русский царь обосновывал свои претензии на обладание верховьями Оби и Иртыща тем, что их устья давно входят в состав Русского государства. Само по себе это письмо можно было бы и проигнорировать, но претензии русских были подкреплены их военными отрядами. Джунгары хорошо знали, как русские покоряли Сибирь. Они полагали, что главной ценностью является население, которое можно обложить ясаком. Поэтому контайша Цэван-Рабдан отдал распоряжение своим вассалам–телеутам и иным кочевникам отойти из Верхнего Приобья за Иртыш. Процесс отхода кочевников относится к 1719–1720 гг. Контайша рассчитывал, что тем самым лишил русских главного ресурса, но ошибся. На Алтае русским нужны были пашни и недра и лишь во вторую очередь шкурки пушного зверя. Ошибка джунгарского правителя позволила русским занять Алтай почти без боя и спокойно осваивать опустевшую территорию.

Одновременно с «отступлением» телеутов шло продвижение к горам «бугровщиков». Когда отец и сын Костылевы около 1719 г. дошли до верховий Алея, они обнаружили в местных сопках следы древних шахт. Им стало ясно, что здесь

есть руда, образцы которой тут же были отосланы на Урал (Костылевы рассчитывали на царское вознаграждение за открытие рудных месторождений, о котором было объявлено). Нужно ли говорить, что открытие алтайских полиметаллов было в значительной мере результатом как русской экспансии на Алтай, так и петровской политики по освоению природных богатств России.

Несколько лет шла борьба между государством и частным предпринимателем А.Н. Демидовым за право начать разработку алтайских руд. Победа Демидова в этом соперничестве обусловлена, на наш взгляд, завершением петровской эпохи и общим ослаблением государства после нее. Впрочем, «демидовская эпоха» продлилась на Алтае всего чуть более 20 лет и уже при Елизавете Петровне сменилась на полусторастолетнюю «кабинетскую» эру.

С какими же результатами подошла Россия к январю 1725 г. (момент смерти Петра I) в деле освоения Алтая? Впервые, территория степного Алтая была закреплена за Россией. Цепочки крепостей позволяли осуществлять военный контроль над этой территорией. Параллельно развернулась земледельческая колонизация силами беглых и официально переселенных крестьян и старообрядцев. Русские деревни возникали по берегам больших и малых рек десятками. Джунгария де-факто признала потерю этих земель и более не пыталась вернуть их военным путем. Однако она не признала новых границ юридически и еще несколько десятилетий оспаривала российскую принадлежность Верхнего Приобья и Прииртышья. Это делало Алтай формально спорной территорией. Курганы в короткий срок были в основном разграблены, зато благодаря «бугровщикам»—землепроходцам удалось обнаружить месторождения полиметаллических руд. Разработка этих руд стало делом ближайшего будущего. Впрочем, главный «двигатель» этого процесса – династия предпринимателей Демидовых – уже прочно стояла на ногах, благодаря петровской политике протекционизма. Таким образом, к концу петровской эпохи уже не должно было возникать вопросов чей по

факту Алтай и по каким именно направлениям Россия будет его осваивать.

Было бы любопытно сравнить процесс присоединения Алтая к России с процессом присоединения Сибири в целом. Это важно для идентификации Алтая: является ли он частью Сибири или представляет особый регион? И здесь можно обнаружить немало как общего, так и особенного.

Сначала о сходствах. Во-первых, и Сибирь, и Алтай были присоединены и освоены в результате соединения двух мощных потоков экспансии – государственного (казаки, стрельцы, солдаты и т.п.) и «вольного» (землепроходцы, «бугровщики», крестьяне, старообрядцы). Эти потоки двигались одновременно, поддерживая и усиливая друг друга. Во-вторых, механизм колонизации был одинаковым. Приходящие на вновь открытую территорию русские люди создавали опорные пункты (остроги и крепости). Они становились центрами распространения русского влияния. Под защитой крепостей начинали формироваться земледельческие общины. И, в-третьих, приход русских (особенно на ранних этапах) сопровождался вооруженными конфликтами низкой интенсивности с местным населением. Так, вялотекущие войны вели русские землепроходцы в районе Томска и Кузнецка, в Якутии, Даурии и на Дальнем Востоке. То же самое было и на Алтае. Достаточно вспомнить поражение отряда Ф. Пушина в 1632 г. или сожжение Бикатунской крепости в 1710 г.

В то же время, трудно не увидеть существенных различий, и главное из них – ведущий мотив колонизации. Если в северных районах Сибири идущих «встречь солнцу» русских привлекали охотничьи угодья, богатые соболем и другим пушным зверем, то на Алтай манили в первую очередь плодородные земли и рудные залежи. Лесостепь оказалась бедна в отношении промысловых видов зверей, а движение вглубь гор было пока что весьма затруднительно. Второе важное различие – это взаимоотношения русского и аборигенного населения в период после окончания конфликтов. Почти по всей остальной Сибири местные жители и пришлые колонисты в ито-

ге стали жить бок о бок, нередкими стали смешанные браки. А вот в степном Алтае русские фактически вытеснили проживавших здесь кочевников или за Иртыш, или в горы. В результате население Верхнего Приобья было полностью пришлым, почти без примеси автохтонного.

Все это позволяет нам говорить, что процессы присоединения Сибири и Алтая к России несколько различались. Причины этого кроются как в географических особенностях, так и в различиях исторического момента. Проще говоря, колонизация в XVIII в. и в начале XVIII столетия были неодинаковыми. Можно сделать вывод, что Алтай поэтому все же стал частью Сибири, но весьма особенной.

Петровская эпоха стала временем коренных преобразований не только в жизни России, но и в истории Алтая, который из глухой периферии слабо развитого кочевого государства превратился в стратегически важный регион вполне современной европейской империи. Но возникает законный вопрос: «А был бы Алтай присоединен к России, если бы не существовало Петра Великого и его реформ?» На первый взгляд, ответ на него однозначен – нет, не был бы. Именно Петр I создал все условия для быстрого вхождения этой территории в состав нашей страны и не менее быстрого ее освоения. Но при внимательном рассмотрении окажется, что мотивы движения русских на Алтай были продиктованы социально-экономическим развитием России в XVII в. Не Петр ввел крепостное право и начал преследования старообрядцев. Не Петр лишил Россию месторождений металлов. Не Петр начал колонизацию Сибири с севера, лишив крестьян хорошей пашни. Все эти проблемы возникли до него и были бы решены и без него, в том числе путем присоединения Алтая. В конце концов, Алтай стал частью России не потому, что лично Петр Алексеевич хотел его завоевать, а потому что это отвечало объективным интересам нашей страны в то время. Но не будь Петра Великого, этот процесс шел бы медленнее и не столь эффективно. Царь-реформатор и его преобразования стали мощным катализатором. Именно поэтому мы можем смело

считать вхождение Алтая в состав Российского государства одной из заслуг Петра I.

Библиографический список

1. Барнаул: энциклопедия. Барнаул: Издательство АлтГУ, 2000. 408 с.
2. Бородаев В.Б., Демин М.А. Рассказы по истории Алтайского края. Барнаул: Пикет, 1997. 224 с.
3. Бородаев В.Б., Контев А.В. У истоков истории Барнаула: учебное пособие для средней школы. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 336 с.
4. Очерки истории Алтайского края. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987 448 с.
5. Энциклопедия Алтайского края: в двух томах. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1995. Т. 1. 368 с.
6. Энциклопедия Алтайского края: в двух томах. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1996. Т. 2. 488 с.
7. Юдалевич М. И. Барнаул. Барнаул: Алт.кн. изд-во, 1992. 216 с.

Ю.М. Гончаров
*ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
университет»*
(Барнаул, Россия)

М.Т. Джуманиязова
Ургенчский государственный университет
(Ургенч, Республика Узбекистан)

Торговые отношения между Сибирью и Средней Азией в XVIII–XIX вв.*

*Работа поддержана средствами программы развития
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»
«Приоритет–2030»

Становление и развитие торговых отношений Сибири и Средней Азии было обусловлено политическими и социально-экономическими предпосылками, сложившимися в регионе. Во второй половине XVI в. Казанское, Астраханское и Сибирское ханства были присоединены к России. В этот период происходил рост сельскохозяйственного производства, ремесел, внутренней и внешней торговли, возрастала роль товарно-денежных отношений, создавались условия для более тесных экономических связей между областями. Русское государство начинает усиливать контроль над древними торговыми путями, которые проходили через Поволжье и Сибирь, стремилось к рынкам Востока, в том числе и Средней Азии. В свою очередь узбекские ханства также осуществляли политику, направленную на развитие торговли с Россией. Обоюдно выгодная торговля все более расширялась.

Среднеазиатское направление активно развивал Петр I, впервые в истории организовав разведывательные экспедиции в Хивинское и Бухарское ханства. Считается, что главной целью Петра I в этом регионе являлся поиск пути в Индию, о несметных богатствах которой он грезил долгие годы. Однако именно территории среднеазиатских ханств стали своего рода

«буферной зоной» между желаниями монарха и территорией Индии.

Осознание невозможности активной экспансии в Индию без установления дипломатических отношений с ханствами вынудило Петра I на решительный шаг по реализации экспедиций и дипломатических миссий, положивших начало изучению азиатских ханств, а также анализу перспективы торгово-экономических взаимоотношений.

Окончание Северной войны позволило России активизировать свою политику в этом районе. Однако в Центральной Азии русское правительство первоначально потерпело неудачу. Первая попытка проникновения в Хорезм была предпринята царем в 1714–1717 гг., когда Петр послал военную экспедицию под начальством А. Бековича-Черкасского (до принятия православия – Девлет-Гирей-мурза) в Хиву. Князю было поручено склонить хивинского хана в русское подданство, а бухарского – к дружбе с Россией. Экспедиция была неудачной, и почти все её члены погибли. После неудачной попытки уничтожить экспедицию Бековича-Черкасского в открытом бою хивинский хан решил достичь этой цели иным путем. Он убедил Черкасского разделить свои вооруженные силы на несколько частей якобы для лучшего обеспечения войска квартирами и продовольствием. Когда это было сделано, русские разделенные отряды подверглись вероломному нападению и были вырезаны [Иллерицкий, 1940, с. 40–51]. Интересно, что многие последующие карательные экспедиции и экспансии российское общественное мнение воспринимало как «месть за Бековича».

Первоначально ханства не являлись для Российской империи в XVIII в. самоцелью внешней политики. Проникновение в Среднюю Азию предполагалось использовать для развития торговли с Индией. Петра I прельщала возможность вновь изменить русло Амударьи и тем самым открыть доступ в Каспийское море с возможным ведением торговли с отдаленными странами.

Почему же именно Хива стала объектом столь пристального внимания во внешней политике России? Именно Хивинское ханство вело наиболее агрессивную политику и являлось, несмотря на серьезное политическое влияние Бухары, негласным лидером в регионе. Заключение мира с Хивой означало подчинение всех Азиатских ханств, которые вели друг с другом ожесточенное противостояние [Кочнев, 2016, с. 79].

В целом, первая экспедиция показала необходимость не столько военной, сколько мирной дипломатической экспансии, а также установления взаимовыгодных торгово-экономических связей. Начиная с неудачного похода Бековича-Черкасского, Россия продолжала снаряжать экспедиции в Центральную Азию, направляя послов и дипломатов, как в Хиву, так и в два других узбекских ханства (Бухарское и Кокандское), между которыми в тот период шла открытая и жестокая конфронтация [Терентьев, 2010, с. 3–10].

Тем не менее, торговля Сибири со Средней Азией продолжала развиваться. В начале XVIII в. торговля осуществлялась через Тобольск, Тару, Тюмень и Томск. В первой половине XVIII в. стала усиленно развиваться торговля через Ямышевое озеро и крепости Семипалатинск, Петропавловск, Усть-Каменогорск и Бухтарминск, расположенные по Иртышской линии [Старцев, Гончаров, 2014, с. 31-51].

Однако, несмотря на то, что Тобольск, Тара, Тюмень и Томск утратили свое былое значение в торговых отношениях со Средней Азией и Джунгарией, сюда, хотя и реже, прибывали приезжие купцы–бухарцы с товарами. Когда же приезжие бухарцы прибывали непосредственно из среднеазиатских владений, количество их товаров было весьма внушительным. Данные показывают, что ассортимент товаров приезжих бухарцев оставался тем же, что и в предыдущем столетии. Он был представлен в основном тканями, в меньшей степени чаем и мехами (мерлушкой). В начале XVIII в. среднеазиатские ткани привозились в Тобольск в весьма большом количестве.

Приезжие бухарцы прибывали с товарами в Тобольск в основном с наступлением зимы и вели торговлю почти всю

зиму. Они останавливались у живущих в Тобольске бухарцев-родственников или знакомых, так как построенный для них «гостиный двор» сгорел во время пожара и не был восстановлен. Среднеазиатские ткани, которые они привозили на продажу, были прочными, дешевыми и пользовались широким спросом среди населения Сибири, в том числе у военных. По сведениям Г. Ф. Миллера, приезжие бухарцы помимо других товаров привозили также сушеные фрукты, яблоки и огурцы. Однако они не были зафиксированы ни в одной таможенной книге.

В.Н. Татищев, как начальник горных казенных заводов, имел определенное представление о выгоде торговых отношений со Средней Азией, занимаясь во время своей деятельности на Урале пропускной системой для Ирбитской ярмарки, на которую съезжались представители купечества не только из Центральной России и Сибири, но и из Китая, и Средней Азии. Любопытно отметить факт из биографии В.Н. Татищева, подтверждающий его заинтересованность в данном регионе. Кроме составления им книги «Северо–восточная часть Европы и Азия», спустя десять лет после появления на свет упомянутого источника, 26 мая 1737 г., он выехал из Екатеринбурга в Мензелинск, а оттуда в Самару, в штаб-квартиру Оренбургской экспедиции. Экспедиция имела большое значение в осуществлении политики России в Средней Азии и Казахстане [Березина, 1980, с. 10–11].

Н.А. Попов, русский историк середины XIX в., изучавший жизнь и деятельность В.Н. Татищева, писал: «Потом у Татищева была еще рукопись, пожертвованная им также в библиотеку Академии Наук под следующим заглавием: Способы на ведение коммерции в городах великого Могола в городе Балхе, который ныне есть пограничное, а прежде его был под владением помянутого Могола, и надлежал Индии. В Бухарию и в прочие города или провинции к ней принадлежащие, како ж в Хиву и другие места» [Попов, 1861, с. 566].

Часть купцов–бухарцев осела в Сибири, их общины сохранялись даже в конце XIX в. Так, по данным переписи

1897 г., в окрестностях Томска окрестностях проживала значительная группа сибирских бухарцев, потомков выходцев из Средней Азии, переселявшихся в Западную Сибирь начиная с XVI в., т. е. в течение XVII и XVIII столетий. К концу XIX в. большая их часть ассимилировалась с сибирскими татарами [Тычинских, 2022, с. 487–488].

Сохранились отдельные сведения о русских товарах, вывезенных в Среднюю Азию. В основном это были меха (зайцы, выдры), кожи сырые и выделанные (юфть). С Ямышева озера русские товары вывозились во все районы Средней Азии. Иногда русские товары довольно в значительном количестве вывозились из самого Тобольска.

В начале XVIII в. в Тобольске, Тюмени и других городах широко велась контрабандная торговля заповедными пушными товарами. Особенно много ценной пушнины вывозилось в Среднюю Азию и Китай приезжими бухарцами. Царское правительство в целях прекращения тайной торговли пушиной разослало свои указы во все города Сибири. В них предписывалось применять самые суровые меры к нарушителям закона о заповедных товарах. 6 сентября 1706 г. последовал указ Петра I к воеводам Туринска, Верхотурья, Красноярска, в котором говорилось: «Да в Сибирские ж города приезжают бухарцы и выкупают всякую мягкую рухлядь и отвозят чрез Ямышев..., а в Сибирских городех знакомцам своим дают деньги и товары и на те деньги и на товары знакомцы их в Сибирских городех покупают им всякие товары и привозят до пограничных мест тайно. И ныне мы, великий государь, указали... и во всех сибирских городех смотреть того накрепко чтоб всякого купецкого и служилого чину люди заповедных товаров никаких к Москве и никуда не возили, бухарцам бы не продавали...» [цит. по: Зияев, 1983, с. 134].

По этому указу местная администрация городов должна была устанавливать строжайший надзор, чтобы приезжие бухарцы не покупали заповедных товаров — «собольи пупки, собольи хвосты, лисицы черные, красные и бурые, песцы белые, горностаи, ушканины, белки». Кроме того, запрещалась

свободная торговля лосиной, оленьей и медвежьей. Приезжим бухарцам разрешалось продавать шкурки бобров, выдр, песцов черных и голубых, норок, барсов, волков, сафьяны, юфти, сукно всяких сортов и другие русские товары.

В указе были определены и меры наказания по отношению к тем, кто нарушил установленные порядки. Так, местной администрации городов Сибири поручалось «чинить смертную казнь, не отписываясь безо всякие пощады» над русскими и татарами в случае продажи ими заповедных товаров бухарцам.

Таким образом, торговля ценными видами мягкой рухляди была полностью монополизирована государством, что препятствовало более широкому развитию торговых отношений между Средней Азией и Сибирью. В рассматриваемое время, хотя и реже, чем раньше, приезжие бухарцы бывали и в Таре. Свои товары они, в основном, реализовывали на Ямышевом озере.

С основанием Оренбурга (1735 г.) центр азиатской торговли России приблизился к пределам Бухарского и Хивинского ханств. Сбор таможенных пошлин при Оренбурге постоянно увеличивался с 500-600 руб. в 1730 г. до 50–70 тыс. в конце XVIII в. Оренбургская торговля была по своему характеру меновой. Торговые караваны в страны Средней Азии русские купцы практически не посылали, а в 1742 г. отправка караванов была запрещена правительством. Восточные купцы приезжали к Оренбургу и Троицкой крепости и обменивали свои товары на гостиных и меновых дворах с российскими и другими торговыми людьми. Обычно торг начинался в мае и продолжался до сентября–октября месяца. Первый меновой двор был построен в Оренбурге в 1738 г. при В. Н. Татищеве, бывшим в то время оренбургским губернатором. При нем был наведен порядок в таможенной регистрации пошлин и товаров.

До 60-х гг. XVIII в. российские торговые люди при меновых операциях имели прибыль до 100%. Уменьшение прибыли до 40-70%, произошедшее в начале 60-х гг., было связа-

но с уловками со стороны бухарских и хивинских купцов. Они, провозя внутрь России драгоценные камни, продавали их иностранным купцам, сокращая привоз других товаров, традиционных для меновых операций. Указ Правительствующего Сената 1763 г., запрещавший пропуск восточных купцов внутрь России, не привел к увеличению прибылей российского купечества. Восточные купцы подняли цены на драгоценные камни и в приграничной торговле. Российское же купечество компенсировало свои потери за счет неэквивалентной торговли с киргиз–кайсацкими торговцами [Рябцев, 2014, с. 137].

С целью привлечения азиатских купцов в Оренбург и общего развития торговли на этом направлении в 1736–1738 гг. пошлина была установлена в 2% с расценки товаров. С 1739 г. ее увеличили до 3% и только с 1749 г. стали взимать по 5%, как и на астраханском направлении, по торговому уставу 1731 г. С киргиз–кайсаков пошлин не брали, а взимали ее с тех купцов, которые выменивали у них товары [Рябцев, 2012, с. 73]. В 50-е гг. XVIII в. правительство устанавливает более жесткий контроль и регламентацию оренбургской торговли. В 1751 г. азиатским купцам было разрешено выменивать на товары золото и серебро, но при условии сдачи его в казну или монетный двор по ценам, установленным государством

Несмотря на определенные успехи в торговле, обстановка на караванных путях была беспокойной. Строительство пограничных крепостей снижало эту опасность, но не могло устранить ее совсем. Ощутимый удар торговле нанесло восстание яицких казаков во главе с Е. Пугачевым в 1773–1775 гг. После поражения восстания понадобилось несколько лет, чтобы восстановить торговлю со странами Средней Азии.

Так, импорт хлопка–сырца, шелка–сырца и шерсти был освобожден от пошлин, беспошлинными стали и меновые операции со скотом. Российские товары теперь разрешалось отпускать беспошлинно или с облегченной пошлиной. Эти ус-

ловия торговли сохранились до конца XVIII в., что позволило значительно увеличить обороты оренбургской торговли.

Товары, вывозимые в Среднюю Азию, так же, как и на других направлениях торговли со странами Востока, состояли из двух групп: российские и европейские. Привлеченные архивные материалы за 1754–1799 гг. позволяют утверждать, что удельный вес экспорта русских товаров на этом направлении не выходил за пределы 12–42%.

Основным импортным товаром на меновых дворах и пограничных таможах был скот. Пригоняли в основном овец, быков, коров и лошадей. Овцы и бараны были самым дешевым товаром и оценивались в 70 коп. за голову, быки и коровы шли за 3–4 руб., лошади по 10–12 руб., а лошади с выездом по 13–14 руб. По количеству и по стоимости овцы доминировали.

Следующим по значимости товаром было золото и серебро. Но уже в середине 60-х данные о привозе золота и серебра не фиксируются в таможенных ведомостях. Теперь привозить золото и серебро в монетах и изделиях, так же, как и драгоценные камни, можно было беспопытно. Более стабильным был импорт мехов, шкур и тканей. Из других товаров привозились: хлопок, шерсть верблюжья, драгоценные камни (в 1770-е годы не показывались в ведомостях) и еще около 30 наименований товаров, оборот которых в отдельности не превышал 400–500 руб. Хлопка привозилось из-за опасностей и трудностей караванной торговли мало.

Торговля со Средней Азией была одним из наиболее перспективных направлений внешней торговли России, но эта перспектива не была реализована в XVIII в. Основная причина – состояние экономики самой Средней Азии. Упадок хозяйства XVIII в. продолжался и в XIX в. В.В. Бартольд в своих записках о первой трети XIX в. отмечал: «В Средней Азии, где даже двор бухарского эмира и хивинского хана мало соответствуют представлению о блеске придворной жизни, бросалась в глаза только азиатская бедность – бедность отсталой страны,

утратившей свое прежнее место в мировой торговле» [Бартольд, 1966, с. 404].

Военно–политические успехи Российской империи в 60-е гг. XIX в., связанные с поглощением территорий Старшего жуза, Кокандского ханства и образованием Туркестанского генерал–губернаторства, поставили на повестку дня вопрос об урегулировании российско–бухарских и российско–хивинских отношений. По условиям мирных межгосударственных соглашений конца 60–70 гг. XIX столетия центральноазиатские государства переходили под протекторат России. По условиям торговых договоров с Хивой и Бухарой, Россия получила право учреждения на их территории агентств и факторий, свободной торговли и транзита в азиатские страны, экстерриториальной юрисдикции для российских коммерсантов [Лысенко, Гончаров, 2017, с. 1480].

Только с присоединением этих территорий к России, строительством железных дорог, развитием хлопководства начинается активное внедрение российского капитала на среднеазиатский рынок.

Библиографический список

1. Иллерицкий В. Экспедиция князя Черкасского в Хиву // Исторический журнал. 1940. № 7. С. 40–51.
2. Кочнев А.В. Проблемы торгово-экономических взаимоотношений Российской империи в начале XVIII в. со странами Средней Азии: «В Бухарию и прочие города или провинции к ней принадлежащие, како ж в Хиву и другие места» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 408. С. 78–84.
3. Терентьев М.А. Хивинские походы русской армии. М.: Вече, 2010. 448 с.
4. Березина Г.П. Исследователи Оренбургского края. Оренбург, 1980. 21 с.
5. Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время: эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России, первой половины прошедшего столетия / Сочинение Нила Попова: издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина. М., 1861. 803 с.
6. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предпринимательство в Сибири: исторический опыт (XVII – начало XX в.). Барнаул, 2014. 214 с.

7. Тычинских З. А. Тюрко–татарское население Томской губернии в конце XIX века (по материалам Первой Всеобщей переписи населения 1897 года) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 7. С. 483–498.

8. Зияев Х. Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI–XIX вв. Ташкент: Изд-во "Фан", 1983. 167 с.

9. Рябцев А.Л. Особенности торговли России со странами Средней Азии в XVIII в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопросы теории и практики. 2014. № 3-1 (41). С. 135-138.

10. Рябцев А.Л. Государственное регулирование восточной торговли России в XVII–XVIII вв. Астрахань: Астраханская цифровая типография, 2012. 118 с.

11. Бартольд В.В. Азиатская роскошь // Бартольд В.В. Соч.: в 9-ти т. М., 1966. Т. 4. С. 404–406.

12. Lysenko Yu.A., Goncharov Yu.M. The Emirate of Bukhara and the Khanate of Khivan in Foreign Policy of the Russian Empire: Experience of the Frontery Modernization // Былые годы. 2017. № 46(4). С. 1480–1487.

В.Н. Ильин
*Алтайский филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
(Барнаул, Россия)*

Петр I и старообрядчество (к вопросу об истории государственно–конфессиональной политики в России)

Общий дух петровских преобразований, который охватил разные стороны государственного управления и русского быта не мог обойти стороной и вопрос о «расколе». К церковному суду были отнесены дела богохульных, еретических, раскольных, т.е. те, которые касались вопросов старообрядчества. Дела о «раскольниках», хоть и подлежали суду церковному, но только отчасти. Против «раскольников» в эпоху Петра I были изданы строгие распоряжения, по которым они нередко подлежали суду уголовному, а не церковному. На духовной власти лежала обязанность увещать «раскольников» и иметь дело с «раскольниками раскаявшимися», налагать на них эпитимию или разсылать по монастырям. «Нераскаянных» же передавали суду светскому [Попов, 1904, с. 206].

Привлекая на службу иностранцев, Петр I предоставлял им свободу жить и веровать «по своему» и совершать богослужение по своим вероисповеданиям. Известна его фраза, которую он выразил относительно совести своих подданных: «Господь дал царям власть над народами; но над совестью людей властен один Христос» [Попов, 1904, с. 206; Ильин, Должиков, 2021, с. 19]. Юридически это оформилось манифестом 16 апреля 1702 года. В этом Манифесте о свободе вероисповедания говорится следующее: «Понеже здесь в столице нашей уже введено свободное отправление богослужения всех других, хотя с нашею церковью несогласных, сект: того ради и оное сим вновь подтверждается таким об-

разом, что Мы по дарованной Нам от Всевышняго власти совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность пеших о блаженстве души своей. И так крепко станем того смотреть, чтобы по прежнему обычаю никто как в своем публичном, так и частном отправлении богослужения обезпокоен не был, но при оном содержан и противу всякого помешательства защищен был» [ПСЗ. Т. IV. № 1910].

Но дозволяя свободу богослужения, Петр I далек был от мысли допускать пропаганду иноверия среди православных. Право пропаганды предоставлялось одной лишь официальной православной вере, при чем, ее распространение среди инородцев сопровождалось предоставлением последним разного рода льгот [ПСЗ. Т. VI. № 3637].

Подобной терпимости, однако, не было в отношении «раскольников». Наряду с такими выражениями Петра I по отношению к раскольникам: «если они подлинно таковы (честны и прилежны и им можно в торгу верить) – то по мне пусть веруют, чему хотят и носят свой козырь» – на ряду с покровительством Выговской пустыни и стародубским раскольникам мы встречаемся с целым рядом суровых мер, направленных против «раскола», которые заканчиваются признанием «раскольничьих» дел делами злодейственными: «понеже раскольничья прелесть, упрямства наполненная, правоверию противна и злодейственна есть» [Собрание..., 1863, с. 98-99].

Противоречивое положение старообрядчества, как и отношения к нему со стороны императора можно объяснить тем, то старообрядчество было использовано экономически (фискально), в данном случае одновременно преследовались две цели: уничтожение «раскола» за счет экономических методов, и пополнение государственной казны. При этом старообрядчество не признавалось верою в том смысле, в каком можно было говорить о верах «римской или люторской». «Раскол» не приурочивался ни к какой национальности иноземной, он был «упорным отступлением от православия», а

потому по отношению к нему нельзя было распространить принципы вероисповедной политики Петра I, принятой в отношении других вер. Важно так же учитывать тот факт, что в лице «раскола» Император-реформатор видел «фанатичных ревнителей старины», противников всех его нововведений. «Ими были постоянно заполнены тюрьмы Преображенского приказа, и все эти лица, - были ли они церковными раскольниками или нет – причислялись при путанице и неустойчивости тогдашней терминологии заодно к раскольникам». [Попов, 1904, с. 209] Стоит упомянуть, что стремление Петра к искоренению национальных особенностей – платья и бороды не могли встретить в старообрядческой среде понимания и поддержки. Указ от 4 января 1700г, (повторено в 1714 г.) запрещает ношение русского платья под угрозой жестокого наказания всем дворянам, чиновным, служилым и торговым людям, а затем и крестьянам (велено носить саксонское и французское платье) [ПСЗ. Т.IV. №№ 1741, 1787, 2874].

В 1705 г. издается указ брить бороды под угрозой штрафа «в 60 и 100 р. с человека и по 2 деньги с крестьянина по вся дни, как пойдут в город и за город» [ПСЗ. Т.IV. №№ 1787, 1774, 2015, 2874.] «Раскольники не желали растоваться ни с тем ни с другим. Петр не хотел чтобы раскольники представляли из себя таинственную неведомую ему силу, то он решил обезопасить себя от них посредством явности их. Тем более легализация староверов и сбор с них денег за отказ носить платье и брить бороды был экономически выгоден. Бородочей осталось не мало, сборы с них были настолько значительны, что в 1724г для них при сенате была учреждена особая контора» [Попов, 1904, с. 221].

В отмену постановления от 7 апреля 1685г. Петр I издал в 1716 г. (от 8 и 18 февраля) постановления, по которым «раскольники» освобождались от строгих уголовных наказаний за «содержание раскола» под условием записи их в двойной подушный оклад [ПСЗ. Т.V. №№ 2991, 2996; Ильин, 2016, с. 92].

Это постановление отменяло смертную казнь, что стало поворотным моментом в политике правительства по отношению к старообрядцам. До 1716 г. «раскол» был запрещен и на основании «драконовских статей царевны Софьи», соответственно, никто не мог заявить о своей причастности к староверию. Петр признал существование старообрядчества как объективную данность, однако данный факт не означал отказа от противораскольнической политики. «Благо и польза» государства были главной заботой царя-реформатора. Поэтому те из старообрядцев, которые повиновались требованиям и распоряжениям властей, могли рассчитывать на то, что не будут преследоваться властями. И, наоборот, кто отказывался от исполнения царской воли, тот подвергал себя опасности наказания, штрафов и всевозможных лишений. Этот указ был подтвержден так же в 1718 г. и 1724 г. [ПСЗ Т. V. № 3232, Т. VII. № 4526].

В 1720 году было указано всем записываться в приказе Церковных дел «без всякого сомнения, не внимая некоторых пустошному совету; а ежели кто, ведая сей указ... , за раскол в платеж оклада в записке не явится, а в том от кого изобличен будет, и тому преступнику учинено будет жестокое наказание и доправлен будет и перед тем двойным окладом еще вдвое штраф» [ПСЗ. Т. VI. № 3547]. С этого времени староверы могли открыто, подобно другим гражданам, жить в селах и городах «без всякого сомнения и страха». Из «записных раскольников» образовались центры старообрядческих поселений, которые правительство вынуждено было отчасти легализировать в интересах фиска. К концу царствования Петра I можно насчитать несколько таких крупных оседлых центров старообрядческих поселений: Выг, Нижегородчина, Стародубье, Ветка и ряд других. Таким образом, официально записавшись «раскольников» можно было избежать насилия со стороны официальных властей, однако многие старообрядцы упорно не желали быть занесенными в «слуги сатаны» и укрывались от переписи, а некоторые даже выбирали путь «огненного крещения». Появилась масса так

называемых «потаенных раскольщиков». Помимо сыска и поимки их специальными отдельными отрядами было найдено целесообразным обязать всех ежегодно исповедываться и причащаться. Неуклонная ежегодная исповедь по указу 17 февраля 1718 года была прямою обязанностью чисто юридического характера [ПСЗ. Т.V. № 3169]. Под видом соблюдения церковных установлений, что было вменено в личный долг каждому верноподданному, фактически осуществлялся контроль и выявление «раскольников». Неисполнение «сих христианских обязанностей» было признано Петром I за преступление [ПСЗ. Т.V. № 3169]. Всех не желающих исповедываться было велено «почитать за раскольников и ослушников» и штрафовать. В именном указе от 17 февраля 1718 г. была определена конкретная сумма штрафа за неисповедь: «...с разночинцев и с посадских первый по рублю, второй по два рубля, третий по три рубля, а с поселян: первый по 10 денег, другой по гривне, третий по 5 алтын...». Штрафные деньги должны были взиматься «неупустительно» со всех неисповедавшихся, «не исключая старых, увечных и несостоятельных», а тех, кто уклонялся от платежа, ссылали «мужчин на галеры, а женщин на прядильный двор». Данный принцип нашел свое продолжение в постановлении от 11 января 1723 г., по которому к «гражданскому наказанию» отправлялись все, не бывшие у исповеди «после тройных штрафов» - обвиненные в «расколе» определялись на «артиллерийские и другие работы, которые были бы ка-торжной работе подобны» [Кауркин, 2012, с.30].

Кроме подушного двойного денежного оклада и штрафных денег приверженцы «старой веры» платили еще «особые сборы» за женитьбу [ПСЗ. Т. V. № 3330.] Приходские священники имели право брать со всякого «раскольнического двора» по гривне с души ежегодно, «а сверх того от рождения гривна, от женитьбы гривна, от погребения гривна». Старообрядец должен был платить даже за то, что его приводили для допроса к властям. [Кауркин, 2012, с.32] Раз-

личные штрафы, поборы и двойной оклад были нередко разорительны.

«Раскольники» были лишены прав государственно-общественной службы: «По всей России раскольщиков не возводить на власти, не токмо духовных, но и на гражданских, даже до последнего начала и управления, чтоб не вооружать нам на нас же лютых неприятелей и государству и государю непрестанно зло мыслящих» [Попов, 1904, с. 212]. Позднее, в 1724 г. Петр писал: «А им раскольщикам, по прежним же Его Императорского Величества указам ни у каких дел начальниками не быть а быть токмо в подчиненных, таже во свидетельство их нигде не принимать, кроме того, что между собою, и то по случаю» [ПСЗ. Т.VII. №4526]. Для «раскольников» было установлено особое платье. Мысль об этом подал архимандрит Златоустовского монастыря, судья Московской тиунской конторы Антоний. Он спрашивал от 9 февраля 1722 г св. Синод: «Раскольщики записные между православными не познаваемы суть, достоин ли им на верхнем платье некий иметь знак, дабы, яко мерзости некия, гнушались православные» [Попов, 1904, с. 212].

Через несколько месяцев последовал царский указ. Раскольникам было велено носить платье исключительно старое, а именно: «Зипун с стоячим клеевым козырем, ферязи и однорядку с лежащим ожерельем. Только раскольщикам носить у оных козыри из красного сукна, чего для платья им красным цветом не носить» [ПСЗ.Т.VI. № 3944]. Установленное платье «раскольники» должны были носить зимой и летом. Позднее «раскольникам» велено еще было носить медные бляхи [ПСЗ. Т. VII. № 4596]. Как отмечает русский юрист, правовед и богослов Попов Ардалион Васильевич «подобные платья и бляхи служили дополнительным поводом роста потаенного раскола» [Попов, 1904, с. 213].

«Потаенный раскол», т.е. пребывание в «расколе» без записи в двойной подушный оклад преследовался весьма строго, особенно в первую половину XVIII столетия. Основанием для возбуждения преследования служили указы 2

марта 1718 г., 15 мая 1722 г. и 8 января 1727 г. Всех сысканных «потаенных раскольников» при Петре I было велено отсылать – мирских на каторгу, а монахов и монахинь в монастырь, при чем «раскольнический оклад» который они не уплатили взыскивался вдвойне [Попов, 1904, с. 326].

Например, в Нижнем Новгороде в 1721 году десяти староверам «наказание чинено и ноздри выняты за то, что они жили потаенно в расколе от укладу укрывалися и от оных семь человек не обратившиися и противники святой Церкви по Его Царского Величества имянному указу посланы в каторжную работу, а два человека..., кои обратились, велено отослать в Св. Прав. Синод. Дальнейшая их судьба не известна» [Попов, 1904, с. 327].

Понятие «раскола» как преступления в данный период (так и на протяжении всего XVIII в.) имело очень широкий смысл. Оно обнимало собою и деяния религиозного характера и деяния только противогосударственные. Объединяющим моментом во всех этих видах «раскола» является единство субъекта. «Раскол» как религиозно-государственное преступление обнимал следующие виды:

- 1) «Совращение в раскол»
- 2) «Отпадение в раскол»
- 3) «Распространение раскольнического учения»
- 4) «Совершение раскольниками священнослужения»
- 5) «Упорство и отказ от обращения в православие»

«Раскол», только как государственное преступление, включал в себя такие преступные составляющие, как «уклонение раскольников от записи в двойной оклад», самосожжение, укрывательство «раскольников» и недонесение о них. При этом, «раскол» являлся отягчающим вину обстоятельством, при совершении разных других преступлений, как религиозного характера (как например, при богохульстве, когда оно учинено «раскольником»), так и нерелигиозного (например, при побегах).

Стоит отметить и такой вид преступления, как богохульство. В древнерусском праве первое постановление

встречается в Собором Уложении 1649 г. (1ст., 1 гл.): «Будет кто иноверцы, какая ни буди веры, или и Русской человек возложит хулу на господу и Бога и Спаса Нашего иисуса Христа, или на рождшую Его пречистую Владычицу нашу богородицу и приснодеву Марию, или на честный Крест, или на святых Его угодников: и про то сыскивать накрепко всякими сыски. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив казнити, сжечь». Субъектом этого преступления является всякий человек, «какие ни буди веры». Этот принцип, что вероисповедание субъекта в богохульстве не имеет существенного значения для состава преступления, с этого времени прочно и твердо держался в русском праве. Он повторяется и в Своде Законов 1832 года (ст.182). Преступное действие состоит в «похулении» предметов христианского почитания, поклонения и верования. Но этой статьей имеется в виду не одна только словесная форма богохуления. Под эту статью могли подводить и кощунство, и иные неприличные деяния, выражающие собою неуважение к тому или иному предмету христианского почитания. В практическом отношении эта статья служила нередко основанием обвинения «раскольников». За богохульство по Воинскому регламенту надлежало «язык прожечь и голову отсечь» [ПСЗ. Т. IV. № 3006]

«Совращение в раскол» преследовалось на основании указов от 28 февраля 1722 г. [ПСЗ. Т. II. № 454]. 21 марта 1736 г., [ПСЗ. Т. IX. № 6928] и 13 мая 1745 г. [ПСЗ. Т. XII. № 9155]

В последнем указе нет карательной санкции, хотя и велено совратителей преследовать и отдавать в светский суд, но определенного наказания им за это преступление не было назначено. Но в остальных указах содержатся данные для определения меры наказания за «совращение в раскол». В 1722 г. велено было «совратителей» наказывать наравне с «раскольническими учителями», [ПСЗ.Т. VI. № 4009], а в 1730 г. наказание за «совращение в раскол» было уже определено точно: «если кто правоверных раскольническою пре-

лестию тайно или явно обольстит, такового по жестоком в гражданском суде наказании, посылать в галерные работы вечно, а движимое и недвижимое имение отбирать в казну». [ПСЗ. Т. VIII. № 5554]

«Совращенного» отсылали к церковникам для увещевания, затем, если «совратившийся» не упорствовал то его отсылали в какой-нибудь монастырь на испытание и для эпитимии [ПСЗ. Т. IX. № 6421], если же упорствовал, то его отсылали гражданским властям. Светская власть, а не духовная судила так же за повторное «отпадение в раскол». [ПСЗ. Т. VI. № 4009.]

За распространение «раскольнического учения» виновные тоже подлежали ответственности. Распространением «раскола» признавались все меры, какие бы ни были употреблены для «совращения в раскол», или какие могли бы повлечь «отпадению». Не только пропаганда «раскола» в современном значении этого слова, но даже простой разговор «раскольника с нераскольником» о предметах своего учения рассматривался как распространение «раскола». Типичным выражением этого воззрения служит указ от 16 июля 1722 года, где говорится, что записавшийся в оклад, только он один, и считается «раскольником», и в этом «расколе» должен состоять только он один, « а другим о той раскольнической прелести разговоров и учения не точию посторонним, но в одном доме живущим, никому отнюдь ему не произносить, и никого тому не учить и никакими способы к той раскольнической прелести не привлекать и учителей раскольнических и потаенных раскольников в дом к себе не принимать и противных правому святыя церкви мудрованию книг на большее им прельщение и другим на соблазн употребляемых как печатных, так и письменных, отнюдь у себя не держать, и где потаенных и не записанных раскольников ведают, объявлять без всякой утайки» [ПСЗ. Т. VI. № 4052]. Запрещение заводить разговоры о предметах «раскольнического лжеучения» было повторено в 1736 г. [ПСЗ. Т. IX. № 6928]

Таким образом, к распространению «раскола» были отнесены:

-Разговоры о «раскольнической прелести»;

-Распространение книг старопечатных и новой печати, тетрадей, икон, брошюр и других предметов священного для «раскольников»;

-Держание всех этих книг и предметов у себя.

Данное преступление – «распространение раскола» было побочным и, как правило, обнаруживалось при следствии других преступлений («совращение», «укрывательство раскольников»).

Совершение таких таинств, как крещение, бракосочетание, таких обрядов, как погребение «за отсутствием правильной преемственной иерархии раскольники совершали по нужде и мирянам. Иногда и то и другое совершалось беглыми попами, а иногда и православными священниками, но с особенностями раскольнического обряда» [Попов, 1904, с. 324].

Указ 16 июля 1722 г. по вопросу о совершении «раскольниками» священнодействий посвящает особый параграф: «Понеже усмотрено из дел, что всем раскольническим действиям, большею причиною есть то, что по суетному их раскольническому мнению попы, паче же и не посвященные отправляют всякия церковныя потребы, а именно: младенцев крестят, хотящих брачитися венчают, умерших погребают; того ради имать у всех раскольников сказки под лишением имени и ссылкой на галеры, кто у них оныя потребы на перед сего исправлять, и ныне исправляет, то есть младенцев крестит, брачившихся венчает, и болящих исповедывает и причащает, и умерших погребает; и по тем сказкам таких, кого они покажут, сыскивать чрез них же самих к духовному правлению и сыскивая допрашивать, какого был чина, и ежели поп, кем посвящен, и имеет ли свидетельствующую священство его грамоту, и где служит и по указу-ль и не под запрещением ли обретается. А буде непосвященный действует, давно-ль в расколе и кем в расколе приведен и такой

прелести научен, и для чего так дерзостно неданное ему действует, и по тем допросам, учиня обстоятельное о них следование, таких попов по обнажении священства, равно с прочими продерзатели, по содержанию прежде состоявшихся о том Его Императорского Величества указов, отсылать для наказания и ради ссылки на галеры к светским управлениям, а движимое и недвижимое имение их отписывать на Его императорское Величество и содержать под Синодским ведением» [ПСЗ. Т.VI. № 4052, п. 5]. Священники официальной православной церкви, если они «по раскольническому содержанию противно действовали», подлежали извержению из сана и духовному суду [ПСЗ. Т.VI. № 4009].

Относительно совершения треб в 1722 г. Святейшим Синодом было постановлено: «У записных раскольников детей крестить по православному обряду, а так же при браках смешанных, когда одно лицо православное, а другое держится раскола, то последнее «да примет церкви святой общание с присягою». А когда оба раскольники, то их брак не венчать, а брачное сопряжение их рассматривать как блудное.

В указе 28 февраля 1722 г. было сказано: «Обоих раскол держащих лиц не венчать, а если и без церковного венчания жить с собою станут, допросить, кто венчал, или без всякого венчания живут, и того венчавшаго взыскать к наказанию, да и все венчавшиеся, яко своего обещания (которые при своем записании в явный раскол с роспискою учинили) преступники, наказанию подлежат. А ежели сами собою сожитие свое восприняли, за тое их, яко законопреступников явных, звать на суд архиерейский, а ежели не похотят сказать, кто венчал их или без всякого венчания сжились, то взяты будут в розыск» [Попов, 1904, с. 402]. За исполнение этих указов следили очень строго.

Упорное пребывание в расколе и «необращение из раскола к православной Церкви» ставилось в вину судимым за «раскол». Приверженность к «расколу» могла вызвать суровое наказание. Так, в 1722 г. была учинена казнь Василию

Левину, который был «фанатичным поборником и распространителем раскола»: ему отрезали язык, отсекали голову, туловище сожгли [Есипов, 1861, с. 52-54]. Суду за упорное пребывание в расколе предшествовало увещание. Что касается наказания за «упорное пребывание в расколе», то при Петре I обычно это была ссылка. Местом ссылки первоначально была Сибирь. Так как на практике «упорное пребывание в расколе» нередко соединялось с другими видами «раскола», чаще всего с «потаенным расколом», то и наказание полагалось одинаковое. А.В. Попов приводит интересный пример: «В 1728 году Раскольнической конторой был препровожден в Сенат тяглец Малых Лужников, записной бородач и раскольник Андрей Емельянов, которого за неплатеж бородачных денег, в размере 355р. 50 к. Для зарабатывания тех денег, контора присудила в каторжную работу. Сенат объявил ему, что, если он бороду станет брить, то его в каторжную работу не пошлют, но он брить бороду отказался. Тогда ему бороду остригли, но он и после того пребывал в своем упорстве. Сенат решил, что если отправить его на каторжную работу, то он по старости своей работать не сможет, и будет лишь напрасная трата на него казенных кормовых денег. Решено было отправить его на 2 недели в Спасский монастырь для увещаний. Пробыв 2 недели в монастыре Емельянов не обратился в православие и был предан суду (за упорство в расколе)» [Попов, 1904, с. 329]. Исследователь не указывает конечного приговора, однако он очевиден: за упорство в расколе обычным наказанием была ссылка в Сибирь.

Как отмечал С. П. Мельгунов, «...государство Петра тщательно охраняло чистоту и неприкосновенность господствующего вероучения и господствующей церковной организации; с такой же тщательностью искоренялось и религиозное разномыслие..., которое трактовалось как проявление непокорности государственной власти». [Кауркин, 2012, с. 28].

Таким образом, при Петре I законодательство относительно «раскола» отошло от религиозной точки зрения к узо-ко-государственной. Старообрядцы воспринимались как государственные преступники. Первый Российский император постановил: «раскольники - есть лютые неприятели, государству и государю непрестанно зломыслящие, а поэтому подлежат такой казни, как противники власти». [ПСЗ. Т.6. № 3718; Покровский, 1972, с. 37; Грекулов, 1964, с. 50]. При Петре I была сформирована основа «антираскольнической законодательной базы», имевшая своей целью строгое преследование старообрядцев. По его глубокому замыслу планировалось хронологически ограничить «раскол» одним, существовавшим тогда поколением [ПСЗ. Т.VI. № 4009]. Рассматривая старообрядцев, прежде всего, как «неудобный и чужеродный элемент» для Российской империи, Петр I при этом, сумел использовать и их в имперских целях: «тех, кто по упрямству своему обращать к Св. Церкви не хочет - описать и обложить окладом вдвое». [ПСЗ. Т.VI. № 2991; № 2996; Т.VII. № 4575; Т.VIII. № 5308; Т.XII. № 9021]

Библиографический список

1. Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964. 167с.
2. Ильин В.Н., Должиков В.А. «Противораскольническая» государственно-конфессиональная политика в России периода правления Петра I // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 70. С.19-25
3. Ильин В.Н. «Старообрядческий вопрос» в Российской империи 1666–1905 гг. // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: сборник статей / под ред. И.А. Панарина. Вып. 12–13 (2015–2016 гг.). Барнаул: АЗБУКА, 2016. С.89-
4. Кауркин Р.В. Русское старообрядчество светское и церковное законодательство, XVII–XVIII вв. М., 2012. 311 с.
5. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало–сибирских крестьян– старообрядцев в XVII в. Новосибирск, 1974. 392 с.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи. СПб., б.г. Т. II, IV, V, VI, III, IX.

7. Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань. 1904 г. 544 с.
8. Собрание постановлений по части раскола, изданное Министерством внутренних дел: изд. В. Кельсиева. Лондон, 1863. Ч.1. 264 с.

В.В. Исаев

*Алтайский филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
(Барнаул, Россия)*

Роль сибирского казачества в колонизации Алтая в период правления Петра I и последующей истории региона

Правление Петра Великого сопровождалось активной внешнеполитической деятельностью на всех направлениях, среди которых восточное направление занимало традиционно важное место.

Поход Ермака в Сибирь в конце XVI в. открыл Российскому государству обширные пространства Сибири. На протяжении XVII в. шла активная колонизация территории от Уральских гор до Тихого океана, видную роль в которой играло казачество, формирующееся военное сословие дореволюционной России, привычное к тяготам военно-походной жизни. В рассматриваемый период территория Алтая оказалась вне зоны российской колонизации, могущественное Джунгарское государство препятствовало продвижению на Алтай русских поселенцев, а достаточных военных сил для освоения данной территории у Российского государства ещё не было. Тем не менее, предпринимались первые попытки исследовать новые земли посредством направления сюда разведывательных казачьих отрядов.

В 1625 г. с верховий р. Кондомы отряд казаков впервые проник к верховьям р. Бии и обложил ясаком челканцев, живших по реке Лебедь. В этом же году по приказанию кузнецкого воеводы Е. Баскакова в северную часть Алтая для «описания и разведывания новых окольных землиц» были посланы казаки под командой Сидора Фёдорова и Ивана Путимцева [Ивонин, Колупаев, 2008, с. 22].

В 1633 г. предпринимается попытка создать русский опорный пункт в верховьях реки Оби. С этой целью из Томска был направлен отряд казаков во главе с Фёдором Пуциным. Ему было приказано срубить в районе слияния Бии и Катуня, «в пристойном месте», острожек и со своим отрядом составить его гарнизон. Продвигаясь вверх по Оби на трех небольших судах—дощаниках, 60 казаков едва достигнув устья реки Чумыш, встретили теленгутского князя Абака и его союзников и входе пятидневного боя вынуждены были отступить.

Эта неудача не остановила намерений сибирской администрации продвинуться в пределы Алтая. В том же 1633 г. к верховьям реки Бии был направлен казачий отряд боярского сына Петра Сабанского, который достигнув Телецкого озера, нанёс поражение правителю телесов князю Мандраку. В руки победителей попали жена князя, его сын Айдар с невесткой, которые были отправлены в Томск в качестве заложников. В 1634 г. Мандрак прибыл в Томск, где принял российское подданство, обязавшись платить ясак по 10 соболей с каждого подданного.

Установившийся мир оказался непрочным. Как только Мандрак и члены его семьи были отпущены, о достигнутых обязательствах было забыто, а выплата ясака прекращена.

В 1642–1643 гг. Пётр Сабанский предпринимает вторую военную экспедицию к Телецкому озеру. После нескольких столкновений с Мандраком ему удаётся захватить гордого правителя в плен, выплата ясака возобновляется, но после смерти Мандрака его сын Айдар продолжает борьбу с Россией [Томская губерния, 1868, с. 53–54].

Несмотря на то, что военные экспедиции на Алтай не дали желаемых результатов, от попыток строительства острога у слияния Бии и Катуня не отказались и в дальнейшем. В 1653 г. из Кузнецка вновь был направлен отряд служилых людей для сбора сведений о районе слияния Бии и Катуня. Главным итогом этих экспедиций, помимо разового взимания ясака, было основательное знакомство казаков с природно-климатическими и географическими особенностями Алтая. Добытые ими сведения были использованы известным русским картогра-

фом С. У. Ремезовым при подготовке «Чертежной книги Сибири» [Ивонин, Колупаев, 2008, с. 23].

К 1680-м гг. томским и кузнецким воеводам было хорошо известно, что самое подходящее место для строительства острога на Алтае было в устье Бии и Катуня. «Описание Сибири» 1683 г. отмечает, что тут «великое множество... зверя всякого, птиц и рыбы всякой, изобилие лесов и полей, отличная почва», и делает вывод, что если бы здесь был сооружен острог, то царской казне была бы «великая прибыль» «в ясаке от ясачных и в проезде от торговых людей всяких» [Описание Сибири 1683 года, 1907, с. 383].

Сибирская администрация осознавала, что предгорья Алтая, в частности, район устья Бии и Катуня, удобны для расселения русских крестьян с целью хозяйственного освоения этого региона; кроме того данная территория занимает очень выгодное стратегическое положение. Однако в конце XVII в. не было предпринято практических шагов к сооружению острога на устье Бии и Катуня. Могущество Джунгарии и ограниченность военных сил препятствовали освоению Алтая.

В начале XVIII в. ситуация изменилась. Вступление России в Северную войну, военные и экономические реформы, проводимые Петром I, потребовали значительных средств. Важной статьёй доходов царской казны, как и в XVII в., оставалась пушнина, высоко ценившаяся на мировом рынке. Правительство России не могло допустить утечки пушнины в виде дани джунгарскому хану и его вассалам (телутским и кыргызским князьям).

В этих условиях вновь актуальным встал вопрос о сооружении острога в области расселения алтайских племен. Для сибирских властей также сложной оставалась проблема снабжения военных гарнизонов Сибири хлебным жалованьем. На доставку его требовалось много времени (5–6 месяцев), при этом приходилось отвлекать значительное число служилых людей. Поэтому важно было «заводить государеву пашню» на месте, чтобы снабжать этим хлебом гарнизоны Сибири. Удобными районами для заведения «государевой пашни»

были южные степи Западной Сибири, а также обширные пространства Алтая, изобилующие многочисленными реками и озёрами.

В авангарде колонизации Алтая выступали военные отряды, преимущественно состоявшие из сибирских казаков, направляемых из Кузнецка, Томска, Тары и других сибирских городов.

По указу Петра I в 1709 г. на месте слияния рек Бии и Катунь был основан Бикатунский острог. Он был призван защищать русские границы от нападения кочевников—джунгар. Экспедиция для строительства острога (более 600 человек) выехала из Кузнецка 2 июня 1709 года. Кроме русских к строительству острога привлекли принявших российское подданство «татар и телеутов». Срубленный на высоком берегу, острог полностью перекрывал огнем своих пушек «плавежную» Вихоревскую переправу, оставляя в тылу ведущую в Кузнецк дорогу. Летом 1710 г. гарнизон крепости пережил нападение многочисленного войска кочевников, в результате которого крепость была сожжена.

Разрушение Бикатунского острога не остановило продвижение русских людей на Алтай. В 1718 г. в 15 верстах от разрушенного Бикатунского острога, выше устья Бии и Катунь строится Бийская крепость. Её сооружение открывает путь к освоению предгорных и горных территорий Алтая в последующие годы [Уманский, 1999, с. 3-17].

Бийская крепость была деревянной, четырёхугольной в плане, с периметром стен около 200 м. По углам стояли четыре трехэтажные рубленные башни высотой 15 м. Помимо стен существовала внешняя оборонительная ограда, которая состояла из рва, двойной линии надолбов и рогаток. Внутри крепости находились: пороховой погреб, амбары, поварня, часовня, дом коменданта. Крепость стала одним из главных укрепленных пунктов Кольвано—Кузнецкой оборонительной линии, здесь же располагалась и резиденция военного коменданта. Бийская крепость являлась административным и фискальным центром прилегающих земель, ядром притяжения

первых русских деревень возникавших на Алтае в первой половине XVIII в.

В 1748–1751 гг. крепость модернизируется, старые фортификационные элементы используются в качестве цитадели. Периметр стен составляет 650 м. Крепость имела пять трехэтажных деревянных башен: Генеральную, Московскую, Кузнецкую, Проезжую и Бикатунскую. В крепости были двенадцатифунтовые крепостные орудия. Основу гарнизона вместо казаков начинают составлять регулярные пехотные и драгунские подразделения. Бийская крепость становится главным звеном Кольвано–Кузнецкой оборонительной линии.

В 1758–1761 гг. происходит вторая модернизация крепости, площадь укреплений увеличивается до 12 га. Укрепления состояли из палисада, а не из крепостных стен. В северо–западном углу укреплений построили пятиугольный артиллерийский деревоземляной бастион на 10 крупнокалиберных орудий. Две открытые батареи имелись также на южной и северной сторонах бастиона, каждая из которых имела по 6 орудий. Артиллерия крепости насчитывала 78 орудий.

В 1768–1778 гг. сооружались новые укрепления, площадь крепости увеличилась до 15 га. Было воздвигнуто 6 бастионов. С южной стороны крепость защищалась семью треугольными редутами. Численность крепостного гарнизона превышала 3 тыс. драгун, солдат и казаков, артиллерия состояла из 150 орудий разных калибров.

К концу XVIII в., по существующей тогда классификации фортификационных комплексов, Бийская крепость принадлежала к войсковой крепости первого ранга. В 1782 г. крепость становится городом [Туристская энциклопедия регионов России, 2017, с. 107].

Усиление позиций России на юге Западной Сибири было закреплено на переговорах с правителем Джунгарии хунтайчи в 1722 г. по результатам, которых территория Алтая оставалась за Россией [Ивонин, Колупаев, 2008, с. 26].

Урегулирование отношений с джунгарами позволило активизировать заселение Алтая. Необходимость его освоения

была продиктована в первую очередь экономическими интересами, к этому времени были получены сведения о рудных богатствах Алтая, которые служили базой для формирования нового горно–металлургического центра России, наряду с традиционным Уралом.

Внешнеполитические ориентиры, обозначенные Петром I в первой четверти XVIII в. позволили перейти в последующие годы не только к реализации военных, но и экономических задач.

Весной 1726 г. мастера горного дела, посланные на Алтай уральским предпринимателем Акинфием Демидовым во главе с Дмитрием Семёновым, на берегу реки Колыванки (в настоящее время река Локтевка) построили первую печь и провели пробную плавку медных руд.

21 сентября 1729 г. под защитой казаков на реке Белой начал свою работу Колывано–Воскресенский металлургический завод. В 1739 г. начинается строительство Барнаульского медеплавильного завода, охрану которого, также осуществляют сибирские казаки.

Историческую роль сибирских казаков в колонизации Алтая в XVIII в. невозможно понять, не учитывая сложность международной обстановки, сложившейся в Центральной Азии и Казахстане. Уже с конца 30-х гг. XVIII в. джунгары возобновили опустошительные набеги на казахские территории.

Возникла необходимость укрепления позиций России на территории Алтая непосредственно соприкасавшейся с казахской степью. Для усиления военного контингента на юг Западной Сибири были направлены пять полков регулярной армии под командованием генерал–майора Х. Х. Киндермана, а сибирскому губернатору было предписано сенатским указом от 29 сентября 1744 г. иметь нерегулярные войска во всех сибирских городах [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 16. Л. 9; Дунец, Исаев, 2018].

Во второй половине XVIII в. для защиты русского населения и предприятий горнозаводской промышленности от

Кузнецкой крепости на севере до Усть–Каменогорской на юге возводятся Колывано–Кузнецкая оборонительная линия, представлявшая собой цепь опорных военных пунктов растянутых на протяжении 800 вёрст. На Алтае из числа вооружённых пограничных сил казаки в 1758 г. составляли более 36% (678 казаков из 1850 военнослужащих). Всего же на южных границах Западной Сибири в начале 50-х гг. XVIII в. было сосредоточено 10443 чел. личного состава, или (при протяженности границ в 2500 верст) по 4 чел. на одну версту [ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 – 4].

Первоначально, с 1747 г., строилась Колыванская линия, затем при императрице Екатерине II с 1768 г. Кузнецкая линия. В 1738 г. в районе оборонительной линии была введена практика регулярных разъездов между основными опорными пунктами, построенными ранее.

В 1748 г. на реке Ануге заложили Ануйскую крепость, на реке Катунь – Катунскую. В 1749 г. были заложены Шеманаевский и Красноярский форпосты. В старые Колыванскую и Кузнецкую линии входили крепости Бийская, Катунская, Ануйская, Кузнецкая, семь форпостов – Шульбинский, Красноярский, Шеманаевский, Св. Екатерины, Алейский, Николаевский, Флавиинский, четыре станции – Спасская, Камихская, Белая и Бехтемирская, два завода – Шульбинский и Колыванский, Змеевский рудник и Казанский рудут.

Первоначально в крепостях, редутах и форпостах селились солдаты и казаки из Тобольска, Тюмени, Томска и Нарыма. В 1764 г. новый командующий Сибирским корпусом генерал Шпрингер обратился к сибирскому губернатору с предложением о полном и окончательном переселении казаков из тыловых городов на линии. Он способствовал тому, чтобы переселить на линии городовых казаков с семьями, сформировать из них пять полков, увеличить жалованье будущим линейным казакам до уровня донских, улучшить систему управления и организационную структуру линейного казачества, чётко регламентировать права и обязанности линейных казаков.

После перехода демидовских заводов в ведение Кабинета Его Императорского Величества в 1747 г. и в связи с обустройством оборонительной линии казаки стали жить на Алтае постоянно. Службу они осуществляли совместно с драгунами, солдатами и другими воинскими частями. В обязанности казаков входили: дальняя разведка, охрана границы (караулы и разъезды), курьерская почтовая и конвойная повинности, обеспечение безопасности посольств, крепостные и строительные работы, заготовки леса, угля, сена, казенное земледелие, таможенная служба и многое другое. В 1752 г. на Колыванской линии был проведён первый набор из казаков (91 чел.) в канонирские ученики, который составил ядро артиллеристов охранной службы заводов [Ивонин, Колупаев, 2008, с. 34].

Китайско–джунгарская война 1755–1758 гг. в Верхнем Приобье принесла немало беспокойств российскому правительству. России было не выгодно уступать Китаю богатую полезными ископаемыми территорию Алтая и «двоеданцев», от ясака которых постоянно пополнялась государева казна. Но и возможности быстрого освоения этих земель также были ограничены. Несмотря на возникшие трудности, правительство всячески пыталось закрепить за собой перспективные земли.

Тяжесть службы казачества обращала на себя внимание сибирской администрации, которая пыталась улучшить его материальное положение. В 1763 г. по докладу Ф. И. Соимонова и Д. И. Чичерина Сенату казаки получили разрешение вести торговлю с пограничными народами. Так было положено начало знаменитой впоследствии русско–монгольской торговле через Бийск [Ивонин, Колупаев, 2008, с. 49].

В 1764 г. началась подготовка к постройке новой Колыванской и Кузнецкой линий. В 1768 г. Колыванская и Кузнецкая линии были укреплены четырьмя крепостями (Кузнецкой, Ануйской, Катунской, Бийской), в остальном линия состояла из форпостов (Верхалейский, Тигерецкий, Чарышский,

Антоньевский, Николаевский, Сайдыпский, Кузедеевский), редутов (Бобровский, Убинский, Плоский, Белорецкий, Тула-тинский, Маральих Рог, Терской, Смоленский), маяков (Ульбинский, Ключевский, Яровский, Сосновский, Слюденский, Бехтемирский, Новиковский, Лебяжий, Сайлапский, Нижнененинский, Урунинский, Кайраканский, Верхнененинский, Сарычумышский) и полумаяков (Пыштылимский, Кандалепский). Малое количество крепостей объяснялось тем, что гористая местность была надежной преградой, правительство и местная власть, зная о скором продвижении далее на юг, не желали тратить средства и силы на возведение крепостей. В 1790-е гг. все маяки на Кузнецкой линии стали именоваться станцевыми редутами.

Обязанности казаков на Колывано-Кузнецкой оборонительной линии были многообразны:

- охрана оборонительной линии на всем протяжении;
- защита местного населения от набегов кочевников;
- содержание в степи военных постов и пикетов;
- сопровождение купеческих караванов;
- высылка нарядов на золотые прииски для полицейского порядка;
- выход на службу, когда прикажут.

Кроме того, казачество содержало свое внутреннее управление и отбывало земские повинности. Например, содержало в исправности дороги, мосты, гати и перевозки в пределах войсковой земли.

После создания оборонительной линии на Алтае, в Сибирь потянулись крестьяне. Под защитой казаков строились сельские поселения.

Дальнейшие поиски улучшения материального положения казаков привели к появлению указа от 27 марта 1773 г. по наделению казаков 6 десятинным наделом земли.

Военная реформа 1787 г. отменила деление казачества на команды (тарские, томские, кузнецкие и др. казаки). Вместо этого все линейные и крепостные казаки были сведены в 24 сотни во главе с атаманом [Путинцев, 1891, с. 70].

На Алтае было образовано семь сотен численностью 796 чел. [Недбай, 2001, с. 124–126].

К 80-м гг. XVIII в. Колывано-Кузнецкая линия утратила свое оборонительное значение. Во многом этому способствовали внешнеполитические события. Джунгарское государство, длительное время угрожавшее безопасности южных границ Сибири, было уничтожено Китаем в ходе кровопролитной джунгаро-китайской войны. Отношения с новым соседом стали выстраиваться в мирном русле и необходимости в функционировании оборонительной линии и присутствия на ней значительных военных сил не было. До начала активного продвижения вглубь степей Казахстана власти мирились с этим обстоятельством, используя казаков на второстепенных работах и службах. Но по мере развития колонизации «Киргизской степи» в 50–60-е гг. XIX в. они потребовались на других участках сибирских пограничных линий, что не замедлило сказаться на численности казачьего населения Алтая. Несмотря на постепенное сокращение численности казачества на Алтае, значение этой группы населения в жизни региона оставалось значимым.

В конце XVIII – начале XIX в. Российское государство продвигается в пределы Горного Алтая и на казачество возлагаются задачи связанные с охраной государственной границы с Монголией и Китаем.

Отмена крепостного права в 1861 г. открыла путь к масштабным реформам в различных сферах российской жизни, в том числе затронув и казачество. Завершился длительный колониционный этап освоения Алтая. Казачье население, принимавшее в этом процессе активное участие, все более утрачивало прежние чисто военные функции, осваивая комплекс хозяйственных занятий превращавших казака-воина в казака-труженика.

Специфика проведения реформ в казачьих областях состояла в том, чтобы, сохраняя традиционную войсковую структуру, одновременно попытаться приспособить ее к изменившимся условиям.

Первым шагом на этом пути было издание «Положения о Сибирском казачьем войске» от 13 марта 1861 г. Оно отменяло обязательный труд казаков на войсковых «фабриках и заводах», освобождая тем самым время для ведения собственного хозяйства. Одновременно ликвидировались также дотации на вооружение, обмундирование, содержание лошадей и проч. Теперь казак должен был полагаться только на собственные силы.

Казачье население Алтая в пореформенный период существенно сократилось из-за перевода значительной части личного состава на территорию образованного в 1867 г. Семиреченского казачьего войска. Кроме того, ранее в 1848 г. был упразднён кузнецкий участок Кольвано–Кузнецкой линии (оставшийся Кольванский участок получил название Бийской казачьей линии), а казачье население переведено в крестьянское сословие. На 1 января 1864 г. численность казачества составляла 9395 чел., через 15 лет в 1879 г. – 6733 чел. [Исаев, 2014., с. 99].

Несмотря на сокращение численности казачества, администрация Алтайского горного округа противилась переводу оставшейся части казачества на Иртышскую линию, располагавшуюся на территории современного Казахстана, так как казачество, по ее мнению, являлось своеобразным гарантом стабильности в регионе.

К концу XIX – началу XX в. Бийская казачья линия представляла собой цепь посёлков и станиц, разбросанных в предгорьях Алтая от Усть-Каменогорска к Бийску на протяжении 389 вёрст. Войсковой старшина Ф.Н. Усов, автор «Статистического описания Сибирского казачьего войска», так описывал её территорию: «Бийская казачья линия, пересекая крайние северо-западные предгорья Алтая, не поднимается до полосы кедровых лесов, или так называемой черни. Имеются данные об абсолютной высоте только немногих казачьих поселений. Так, Тигирецкий посёлок расположен на реке Тигиреке, на высоте 1330 футов, в плодородной долине, служащей подножием высокого гранитного гребня Тигирецких белков, которых вершины достигают от 7 до 8000 футов. Вершины

Тигирецких белков на северной стороне своей покрыты вечным снегом и имеют особенно грозный вид от Тигирецкого посёлка. Посёлок Секисовский лежит на высоте 2230 футов, на западных отрогах Убинских белков, богатых сребросвинцовыми месторождениями; посёлок Верхне-Убинский имеет в этих белках 1096 футов высоты, посёлок Плоский 1048, перевал между ними 1790 футов. Ближайшие к Иртышу поселения Бийской линии лежащие в Колыванских горах, приобретших еще с половины XVIII века громкую известность богатством руд сребросвинцовых и медных, немного выше Усть-Каменогорска (900 футов абсолютной высоты), так как и сами Колыванские горы не отличаются высотой, а именно сплошная высота их считается 1850 футов. Измеренные перевалы через этот хребет и отдельные вершины имеют высоты от 1200 до 3300 футов. Довольно скалистыми, дикими и разорванными представляются Башчелакские белки, которые ещё носят название Талицких и Чечулинских гор. На склонах их расположена станица Чарышская и посёлок Сосновский. Вершины этих белков не достигают снежной линии, но снег держится на них иногда до половины июля. Перевалы через эти горы имеют до 4530 футов высоты» [Усов, 1879, с. 32].

По мнению Усова, в Сибирском казачьем войске именно Бийская линия обладала наилучшими естественными условиями: «Тут мы видим роскошное развитие лесной растительности и богатой флоры, животный мир очень разнообразен. Минеральные богатства Алтайских гор получили всеобщую известность. Горные долины и скаты покрыты во многих местах отличною чернозёмною почвою, в которой в знойные жары поддерживается влажность от сбегających многочисленных ручьёв и источников; поэтому неурожаи хлебов здесь чрезвычайно редки» [Усов, 1879, с. 258].

Но, наряду с преимуществами, имелись и существенные недостатки: «Бийская линия имеет, впрочем, то неудобство, что она в глуши, в стороне от торговых и почтовых движений; при том сообщение по ней затруднительно, так как горные дороги делаются непроходимыми зимою от глубоких сне-

гов и завалов, а весной и осенью от ненастной погоды» [Усов, 1879, с. 259].

В начале XX в. казаки составляли небольшую по численности (0,5% населения Алтайского округа, 12,5 тыс. чел.), но весьма значимую часть населения Алтая, со времён Петра I причисленную к группе русских первопоселенцев данного региона.

Казаки сыграли существенную роль в присоединении и освоении Алтая. Отряды томских и кузнецких служилых людей первыми проникли на территорию Алтая в XVII в., длительное время, противодействуя экспансии Джунгарского ханства, как в качестве вооружённой силы, так и в роли разведчиков и дипломатов. Решая внешнеполитические задачи Российского государства, обозначенные Петром Великим, они приняли активное участие в создании и укреплении Иртышской и Колывано–Кузнецкой оборонительной линий, под защитой которых проходило становление горно-металлургического комплекса Колывано–Воскресенских заводов. Наряду с драгунами они несли караульную службу, преследовали нарушителей границы, участвовали в строительстве и ремонте крепостей, выполняли различные хозяйственные поручения.

Библиографический список

1. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 16. Л. 9.
2. ГАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 17. Л. 1 – 4.
3. Дунец А.Н., Исаев В.В. Казачество на территории Алтайского края: история и современное развитие (социально-культурный аспект). Барнаул, 2018. 179 с.
4. Ивонин А.Р., Колупаев Д.В. История Алтайского казачества в XVIII – XIX веках. Барнаул, 2008. 186 с.
5. Исаев В.В. Бытовая культура сибирского казачества на Алтае в семейных традициях и обрядах // Присоединение Сибири к России: новые данные: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень, 2014. С. 98-105.
6. Недбай Ю.Г. История Сибирского казачьего войска: в 2-х томах. Т. 1. Омск, 2001.
7. Описание Сибири 1683 года // Сибирские летописи, изданные Археографической комиссией. СПб., 1907.

8. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории сибирского казачьего войска (со времени водворения западно-сибирских казаков на занимаемой ими ныне территории). Омск, 1891.

9. Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 г. Санкт-Петербург, 1868.

10. Туристская энциклопедия регионов России. Т. 1: Алтайский край. Барнаул, 2017.

11. Уманский А.П. Кузнецк и алтайские остроги // Кузнецкая старина. Вып. 3. Новокузнецк, 1999. С. 3–17.

12. Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879.

Роль Петра I в развитии горного дела в Сибири

Выдающаяся роль Петра I в развитии российской горно-металлургической промышленности не вызывает сомнений. В данной статье мы хотели бы рассмотреть вклад монарха в становление горного дела в Сибири. Уральские горы в то время считались частью Сибири, однако мы анализируем становление горно-металлургической промышленности в современных географических границах региона.

Неизвестно, когда у молодого царя возник интерес к горному делу – еще во время посещения Немецкой слободы или несколько позже (во время встреч с Андреем Виниусом, который учил Петра голландскому языку). Важнейшее значение в формировании интереса монарха к горному делу, имело Великое посольство 1697–1698 гг. Тогда Пётр I побывал в Курляндии, Пруссии, Голландии, Англии, Австрии. Сведений о том, что молодой царь уже тогда активно интересовался горным делом, в документах нет². Тем не менее, посещая ведущих учёных Европы, Пётр знакомился с естественнонаучными коллекциями, которые могли содержать минералы и руды. Во всяком случае Людвиг Бек считал, что возникновение уральской промышленности связано с возвращением Петра из заграничного путешествия, во время которого он проникся мыслью о том, что без чёрной металлургии невозможно достичь успехов в добыче меди, серебра и золота в Сибири [Бек, 1891, S. 1304]. Лишь позже, осенью 1711 и 1712 гг., когда царь

² По просьбе Андрея Виниуса Пётр подыскивал мастеров «железного дела», но это были чисто кадровые вопросы [Богословский, 1941, с. 106, 451]. Показательно, что царь тогда отказался ехать в Дрезден – центр Саксонии, где находились ведущие рудники Европы [Брикнер, 1874, с. 730].

посещал Саксонию, он уже вполне сознательно и целенаправленно знакомился с состоянием горного дела и лично присутствовал при опытах по расплавке руд [Брикнер, 1874, с. 732–734].

Едва вступив на престол, Пётр сразу же стал заниматься разработкой правовой базы металлургии, но законодательство тогда ещё было противоречивым. Горное законодательство системно оформилось только к концу жизни монарха. До Петра рудниками управляли разные учреждения: иностранные специалисты находились в ведении Посольского и Иноземного приказов, заводами управлял Пушкарский и Стрелецкий приказы. Кроме того, развитие горного дела на местах подчинялось региональным приказам (Сибирскому, Казанскому), а также местным воеводам.

Политику Петра I в сфере горного дела первого десятилетия его правления нельзя назвать последовательной и продуманной. 24 августа 1700 г. состоялся указ о создании Приказа рудокопных дел (открыт в ноябре) [ПСЗ РИ-1, т. 3, № 1812]. Однако реально горное дело было по-прежнему разрознено между Посольским, Иноземным, Стрелецким, Пушкарским, Денежным, Разрядным, Казанским и Сибирским приказами. Вскоре последовал указ, который определял политику в сфере развития горного дела – местным властям предписывалось не только содействовать поиску полезных ископаемых, но и поощрять рудоискателей [ПСЗ РИ-1, т. 3, № 1815]. Как будет показано ниже, особого влияния на местные власти данный документ не возымел. 8 июня 1711 г. Рудный приказ упразднили, а разработку рудников вновь передали местным властям (губернаторам). Однако через четыре года, 15 мая 1715 г., приказ восстановили под названием Рудная канцелярия и перевели из Москвы в Петербург [Киселев, 2009].

Решения царя по развитию той или иной отрасли горно-металлургической промышленности представляли собой сочетание политики протекционизма и субъективного фактора. Личные встречи с царём, порой давали привилегии в развитии частного горного дела, которые не были определены законо-

дательно. К таким удачливым предпринимателям можно отнести Ивана Твердышева [Павленко, 1963, с. 481], Нарышкиных и Никиту Демидова [Юркин, 2012, с. 70, 181]. По этому поводу Н. И. Павленко писал: «Надо полагать, что сведения о якобы имевших место встречах с царем исходили от самих заводоладельцев, потомки которых поддерживали эту не лишённую романтизма версию происхождения своих капиталов» [Павленко, 1962, с. 481].

После возвращения из заграничной поездки 1717 года Пётр провёл более радикальную и продуманную реформу системы управления в стране. Уже с конца 1717 г. началась работа по формированию штатов коллегий, в том числе по управлению горно-металлургическими предприятиями, а в августе 1718 г. Рудная канцелярия была ликвидирована [Киселев, 2009, с. 55; Он же, 2015, с. 44, прим. 4]. Наконец, 10 декабря 1719 г. был издан указ о создании Берг и Мануфактур коллегии [ПСЗ РИ-1, т. 5, № 3464]³. Провозглашённая ещё в 1700 году «горная свобода» теперь получила институциональное подкрепление – новым законом определялись права и обязанности горнозаводчиков. Отстранив местную власть от управления рудниками и горными заводами, правительство, тем не менее, разрешило Берг-коллегии и её сотрудникам обращаться к местным властям за помощью в организации производства и обеспечении предприятий рабочими руками.

Первые попытки разработки рудных месторождений в Зауралье относятся к 1690-м годам и связаны с обнаружением серебряных руд на небольшой речке Каштак (в современной Кемеровской области) [Контев, 1996, с. 84–87]. В настоящее время благодаря усилиям кузбасских историков В. Н. Добжанского и А. Н. Ермолаева этот сюжет возникновения горного дела в Сибири изучен детально на основе множества источников [Добжанский, 2003; Каштакский сереброплавильный промысел, 2016]. Анализ опубликованных этими учёными документов позволят понять роль русского царя в станов-

³ В январе 1722 г. Мануфактур и Берг-коллегия были разделены [Лоранский, 1900, с. 16].

лении каштакского «промысла». Сложность заключается в том, что все документы, исходящие из Сибирского приказа, который тогда ведал месторождениями на Урале и в Сибири, писались от имени монарха. Это совершенно не означает, что Пётр лично был причастен к принятию управленческих решений. Например «государевы грамоты» о работах на месторождении, которые направлялись из Москвы томскому воеводе, на самом деле представляли собой не царские повеления, а распоряжения руководителя Сибирского приказа Андрея Виниуса, действовавшего от имени монарха [Каштакский серебряноплавильный промысел, 2016, док. № 3]. Однако можно с уверенностью утверждать, что молодой царь лично принимал решения в судьбе промысла. Так 18 декабря 1696 г. был подписан именной указ о направлении в Сибирь для разработки Каштакского месторождения иностранных мастеров Сибирского приказа – «гречанина Александра Левандиана с товарищи 10 человек» [ПСЗ РИ-1, т. 3, № 1561]. Ещё до этого тот же Левандиан опробовал присланную из Томска руду и обнаружил в ней серебро. Тогда же часть рудных образцов отправили в Ригу мастеру Иоганну Миллеру и в Амстердам Николаю Витсену (тому самому, в чьём доме в 1697 г. гостил Пётр I). Судя по помете на обороте грамоты от 16 февраля 1697 г., предписывающей томскому воеводе Василию Ржевскому оказывать всяческое содействие греческим мастерам, её визировал сам царь [Каштакский серебряноплавильный промысел, 2016, док. № 6]. Работы на Каштаке, начавшиеся осенью 1697 г., пришлось на время нахождения Петра I за границей (с 9 марта 1697 по 25 августа 1698 г.). Поэтому неизвестно, докладывали ли царю об обстоятельствах постройки Каштакского острога и копке руд. Наличие нескольких документов, отправленных из Томска непосредственно «к великому государю через почту» (20 февраля и 4 марта 1698 г.), свидетельствует о том, что Пётр даже находясь в Европе, следил за разработкой руд на далёкой сибирской речке [Каштакский серебряноплавильный промысел, 2016, док. № 31]⁴. К сожалению, ус-

⁴ Впрочем, «царская грамота» с распоряжениями о дальнейших действиях

ловия залегания руд на Каштаке и противостояние местных енисейских киргизов не позволили организовать промысел. В январе 1699 г. Александр Левандиани заявил В. Ржевскому о бесперспективности продолжения работ, однако разработка продолжалась, видимо, ещё до лета, после чего греки оставили месторождение и уехали в Восточную Сибирь.

Разработка серебряных месторождений в Восточной Сибири – Забайкалье, также оказалась связана с греком Александром Левандианом. Обнаружение месторождений «даурского серебра» на речке Аргунь относится к осени 1677 года, однако тогда проведённые опыты показали незначительное количество серебра. В 1681 г. в десяти верстах от месторождения был построен Аргунский острог. Глава вновь созданного Нерчинского уезда, на чьей земле находились месторождения, организовывал разведку и опробование руд, но это не приносило успехов [Изгачев, 1963, с. 67]. Только в январе 1688 г., незадолго до подписания Нерчинского договора с Китаем, цари Иван, Пётр и регентша Софья постановили начать разработку месторождения: «построить рудоплавные заводы большие, чтоб на тех заводах ис той руды серебра было в выходе немалое число» [Курлаев, 2005, с. 269]. Решение строить на Аргуни сразу «большие» заводы, по нашему мнению, являлось проявлением наивного непонимания проблемы, ведь к тому времени ещё не были известны масштабы месторождения, в районе острога не было русских поселений. Причём, когда голландский купец Конрад Нордерман предложил отдать ему в разработку эти отдалённые месторождения, иностранцу было отказано [Курлаев, 2005, с. 273].

Аргунский завод был основан в октябре 1689 года (сразу после подписания Нерчинского договора), на следующий год присланные рабочие построили плавильные печи и «балаганы» для жилья работников. Но ни у сибирских властей, ни у Стрелецкого приказа, отвечавшего за разработку драгоценных

на Каштаке была отправлена из Москвы 6 июля 1698 г., когда Петра ещё не было в столице [Каштакский сереброплавильный промысел, 2016, док. № 40].

руд в Даурии, не было сил и специалистов для организации производства.

В апреле 1695 г. царь Пётр Алексеевич затребовал к себе в Преображенское все материалы о поисках серебряной руды в бассейне Аргуни. Выслушав доклад по этому делу, он распорядился передать его дальнейшее ведение из Стрелецкого в Сибирский приказ [Курлаев, 2005, с. 285]. Данный пример является наиболее ранним свидетельством личного участия молодого царя в вопросах организации горного дела в Сибири.

Передача построенного, но всё ещё не действующего предприятия в ведение Сибирского приказа принесла свои плоды. В июле 1700 г. на Аргунь прибыли рудознатные мастера с Каштака – Александр Левандиан, Спиридон и Фёдор Мануйловы, Константин Яковлев. Они обследовали месторождение и предложили программу развития горного дела в регионе. Однако переписка между местными властями и центральными властями. В это время Сибирским приказом руководил выдающийся управленец Андрей Андреевич Виниус. Однако параллельно с созданием приказа Рудокопных дел, 31 октября 1700 года все вопросы по разработке драгоценных руд были переданы в ведение приказа Большой казны, поэтому Виниус был вынужден передать все материалы по Аргунскому месторождению туда. Только в 1704 г. нерчинский воевода Иван Бибиков получил указ, предписывавший построить сереброплавильный завод в районе Аргунского острога на левом берегу реки Алтачи, впадавшей в Аргунь [Курлаев, 2005, с. 287].

Первые 15 лет завод был известен под названием Аргунский. Предприятие было пущено в 1705 г., но объёмы производства были незначительными. С 1706 по 1714 г. на нём работало ежегодно 50-60 наёмных работников, затем стали присылать и ссыльных (по 20-50 человек). За первые неполные десять лет здесь удалось получить 46 пудов серебра [Ведерников, 2012, с. 35]. В дальнейшем объёмы производства варьировались от 4 до 15 пудов в год. В 1720 г. завод был передан в ведение Берг-коллегии. На месте для управления производ-

ством учредили Нерчинское горное начальство, поэтому завод стали называть Нерчинским. Несмотря на проведённую модернизацию и присылку новых специалистов (в том числе в Даурию прибыл пленённый под Полтавой швед Пётр Дамес), производительность предприятия к 1725 г. снизилась до 3 пудов в год [Ведерников, 2012, с. 43]. Как видим, если относительно Урала, Тулы и Карелии можно говорить о значительных успехах в развитии горного дела при Петре I, то собственно в Сибири производство ещё было в зачаточном состоянии. Однако если не было бы такого мощного развития горно-металлургического производства силами государства и частных промышленников на Урале, не было бы предпосылок и для возникновения горного дела в Сибири, в том числе на Алтае.

История поиска и открытия месторождений в Западной Сибири детально изучена, в том числе автором этих строк [Контев, 1997]. Характеризуя роль Петра I, отметим, что поиски руд на Алтае, а также в окрестностях Кузнецка и Томска начались именно при Петре Алексеевиче. В истории с рудознателями, пытавшимися организовать поиски полезных ископаемых в отдалённых местах России, мы видим типичную для страны картину: местные власти, несмотря на приказы из столицы, не только не содействовали поискам, но всячески пытались им помешать. Именно на такое поведение томского воеводы (коменданта) жаловался житель Чаусского острога, первооткрыватель алтайских руд Степан Костылев. Когда он и его напарник Иван Горбун в 1719 г. обратились с челобитной к главе Томского уезда Василию Козлову за разрешением поиска руд, «онный комендант челобитную при нас бросил о землю, и товарища и меня не отпустил, и хотел нас кнутом бить» [Серебряный венец России, 1999, док. № 1]. Как мы знаем, несмотря на запреты, Степан Костылев в том же 1719 году не просто организовал экспедицию в Рудный Алтай для поиска руд, но и обнаружил первые месторождения меди. Понимая, что от томских властей помощи не будет, рудознатец вынужден был «объявить... за собою государево дело» [Се-

ребряный венец России, 1999, док. № 14]. Не вдаваясь в подробности дальнейших перипетий первооткрывателей алтайской меди, отметим, что этот пример отражает в целом ту обстановку, в которой Петру I приходилось развивать горное дело в стране. Поэтому принятие указа 10 декабря 1719 г. не стоит связывать только с созданием Берг-коллегии. Этот закон стал важным стимулом и защитой для множества «промышленников», ведших поиски руд на свой страх и риск, а также для частных промышленников, желавших начать их разработку.

К сожалению, отдалённость региона, его незаселённость и опасность со стороны внешних врагов не позволили не только начать производство цветных металлов, но даже должным образом обследовать месторождения в Рудном Алтае при Петре Великом. Только в ноябре 1725 года, спустя полгода после смерти монарха в Екатеринбург поступили заявки на разработку месторождений в верховьях рек Чарыша и Алея («Алейских горах»). Первое предприятие на юге Западной Сибири было построено уже после смерти жены Петра – Екатерины I. Тем не менее, не вызывает никаких сомнений, что именно усилия Петра Великого позволили создать в Сибири новые центры горно-металлургического производства, которые получили мировую известность уже при потомках монарха.

Библиографический список

1. Богословский М. М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 2: Первое заграничное путешествие. Ч. 1–2. Москва, 1941. 624 с. URL: <http://elibr.shpl.ru/nodes/22630> (дата обращения 18. 09. 2022).
2. Брикнер А. Г. Петр Великий в Дрездене в 1698, 1711 и 1712 гг. // Русская старина. 1874. № 12. <https://runivers.ru/lib/book4646/57344/> (дата обращения 18. 09.2022).
3. Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. 186 с.
4. Добжанский В. Н. Начало сереброплавильного производства в Сибири // Кузнецкая старина. Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. Вып. 5. С. 44–62. URL: <http://kuzn-krepost.ru/knigi-kuznetskaya-starina.html> (дата обращения 18. 09. 2022).

5. Изгачев В. Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVII в. // Ученые записки / Читинский гос. пед. ун-т. Чита, 1963. Вып. IX: Общественные и гуманитарные науки. С. 66–80.

6. Каштакский сереброплавильный промысел. Сборник документов и материалов / сост. В. Н. Добжанский, А. Н. Ермолаев. Кемерово: «ИНТ», 2016. 192 с.

7. Киселев М. А. Организация и деятельность Рудной канцелярии в 1715–1718 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. А. В. Бакунина. г. Екатеринбург, 8-9 окт. 2009 г. Екатеринбург: Издат. дом "Автограф", 2009. Т. 2. С. 51–57. URL: <http://www.hist-lab.ru/index.php?main=kiselev> (дата обращения 18. 09. 2022).

8. Киселев М. А. Создание Берг-мануфактур-коллегии в 1718 году // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2015. Вып. 4. С. 39–47. URL: <http://press.psu.ru/index.php/history/article/view/3493> (дата обращения 18.09.2022).

9. Контев А. В. 300 лет со времени первого серебряного промысла в Западной Сибири (1697–1700 гг.) // Страницы истории Алтая. 1997 г.: календарь памятных дат. Барнаул, 1996. С. 84–87. URL: <http://irbis.akunb.altlib.ru:81/bo/bo000593.pdf> (дата обращения 18. 09. 2022).

10. Контев А. В. Становление и развитие горно-металлургического производства в Западной Сибири. Конец XVII – первая половина XVIII в.: автореферат дис. ... канд. ист. наук Барнаул, 1997. 21 с.

11. Курлаев Е. А. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики / Е. А. Курлаев, И. Л. Манькова. Москва: «Древлехранилище», 2005. 324 с. URL: <https://www.library.gorobr.ru/cache/medialib2/b53f228b30be81c5/book.html> (дата обращения 18. 09. 2022).

12. Лоранский А. М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России. 1700–1900 гг. Санкт-Петербург: типография Г. А. Бернштейна, 1900. 207 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003556534?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения 18. 09. 2022).

13. Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. Москва: Изд-во АН СССР, 1962. 567 с.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Санкт-Петербург, 1830 (ПСЗР РИ-1). URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (дата обращения 18.09.2022).

15. Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска) / Управление архивного дела администрации Алтайского края. Барнаул, 1999. 520 с. URL: <http://library.altspu.ru/dc/pdf/540739.pdf> (дата обращения 18. 09. 2022).

16. Юркин И. Н. Петр Железный. Петр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы. Санкт-Петербург: Европейский дом, 2012. 352 с.

17. Beck L. Die geschichte des eisens in technischer und kulturgeschichtlicher beziehung. Abteilung 2: Das XVI und XVII jahrhundert. Braunschweig : F. Vieweg und Sohn, 1891. 1333 S. URL: <https://archive.org/details/diegeschichtede01unkngoog/mode/2up> (дата обращения 18.09.2022).

С.В. Цыб, Т.В. Кайгородова
*Алтайский филиал ФГБОУ ВО
«Российская академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
(Барнаул, Россия)*

Времясчислительная реформа Петра I

Одной из памятных и значимых для современных жителей России стала времясчислительная реформа великого преобразователя. В самом деле, уже на протяжении более трехсот лет россияне используют те хронологические элементы, что были введены в их жизнь по воле реформатора. Можно убедиться, однако, в том, что в научном и особенно в научно–популярном и бытовом ее восприятии до сих пор присутствуют недоразумения.

Предлагаем сначала ознакомиться с текстом источника, с текстом петровского указа, который был основополагающим документом времясчислительной реформы:

Лѣта 7208. Декабря 20. Именной. О праздновании Новаго года.

Великій Государь указаль сказать: извѣстно Ему Великому Государю нетолько что во многих Европейскихъ Христіанскихъ странахъ, но и въ народахъ Славянскихъ, которые съ Восточною православною нашею Церковью во всемъ согласны, как: Волохи, Молдавы, Сербы, Далматы, Болгары и самые Его Великаго Государя подданные Черкасы и всѣ Греки, отъ которыхъ вѣра наша православная принята, всѣ тѣ народы согласно лѣта свои счисляють отъ Рождества Христова оьсемъ дней спустя, то есть Генваря съ 1 числа, а не отъ созданія міра, за многую разнь и считаніе и считаніе въ тѣхъ лѣтахъ, и нынѣ отъ Рождества Христова доходить 1699 годъ, а будущаго Генваря с 1 числа настанетъ новый 1700 годъ купно и новый столѣтній вѣкъ: и для того добраго и полезнаго дѣла, указаль Великій Государь впредь лѣта счилять въ Приказахъ и во всякихъ дѣлахъ и крѣпостяхъ писать съ нынѣшняго Генваря съ 1 числа отъ Рождества Христова 1700 года. А въ знакъ того добраго начинанія и новаго столѣтнаго лѣта въ царствующемъ градѣ Москвѣ, послѣ должнаго благодаренія къ Богу и модебнаго пѣнія въ церкви и кому случится и въ дому своемъ, по большимъ и проѣзжимымъ знатны ѣ улицамъ знатнымъ людямъ и у домовъ нарочитыхъ духовнаго и мірскаго чина передъ вороты учинять

нѣкоторые украшенія отъ дровъ и вѣтвей сосновыхъ, еловыхъ и можжевельныхъ противъ образцовъ, каковы сдѣланы на Гостинѣ дворѣ и у нижней аптеки, или кому какъ удобнѣе и пристойнѣе, смотря по мѣсту и воротамъ, учинить возможно; а людямъ скуднымъ каждому хотя по древцу, или вѣтвь на ворота, или надъ хроминою своею поставить; и то бѣ поспѣло нынѣ, будущаго Генваря къ 1 числу сего года, а стоять тому украшенію Генваря по 7-й день того же 1700 года. Да Генваря жъ въ 1 день, въ знакъ веселія, другъ друга поздравляя Новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ, учиняти сіе: когда на большой Красной площади огненные потехи...

и далее следуют описания новогодних потех [ПСЗРИ, с. 681–682].

Приведем краткие комментарии к этому тексту. Указ «именной», а это означает, что его положения сразу после появления личной подписи Петра под текстом указа приобретали законодательную силу и не требовали никаких иных процедур его обсуждения и утверждения (например, согласования с Боярской Думой). Вызывает удивление перечисление «народов Славянских», потому как «Волохи, Молдавы, ... Черкасы» к таковым не относятся. Впрочем, это не удивительно для уровня образования самого Петра и его учительского окружения.

Непонятной для современного читателя остается фраза «лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова осьмь дней спустя, то есть Генваря съ 1 числа»: речь шла о том, что новогодним рубежом становилась не дата 25 декабря (день одного из главнейших «двунадесятих» праздников христиан, день Рождества Христова), а последующий за ним (кстати, не через «осьмь», а через 7 дней) день 1 января. Нелепость этой фразы очевидна: нигде, ни в одной стране мира как в те времена, так и раньше, так и позже, так и сейчас, исчисление нового года не начинали с 25 декабря, со дня Христова Рождества [Szymański, 1983, s. 135–137]. Это замечание опять же показывает нам уровень образованности как автора указа, так и его советников.

Далее рассмотрим те самые недоразумения, которые возникли в современном научном мире, стали расхожими и создающими в простонародном сознании искаженные пред-

ставления о времяисчислительной реформе. Отметим самый простой момент: многие из тех, кто пишут и говорят об этой реформе, допускают грубейшую ошибку, вообще-то несовместимую со званием грамотного человека. Они упоминают «летоисчислительную» реформу, тогда как русский язык обязывает всех говорить и писать о ЛЕТОСЧИСЛИТЕЛЬНОЙ реформе.

Уже не орфографической, а историко–хронологической ошибкой является расхожее утверждение о том, что Петр I установил в России новый календарь. Это мнение повторяют как научные, так и научно–популярные сочинения. Сколько раз в своей жизни авторы этой публикации встречали людей, которые были искренне убеждены в его безусловной правильности. Нет даже смысла приводить библиографический список тех сочинений, которые бездумно повторяют этот вывод. Уверенно заявляем: он ошибочен!

Его сторонникам, к сожалению, осталась непонятной одна очень простая истина: человечество в своем стремлении научиться считать объективный и безостановочный поток времени выработало две различные системы, два разных способа временного учета – календари и эры летосчисления.

Календарь – это система учета дней в пределах года, основанная на наличии исходной точки отсчета (день новогодия) и особого порядка (или нескольких порядков) учета этих дней. К примеру, наш современный календарь имеет исходную точку отсчета (1 января) и несколько схем учета дневных единиц (по месяцам от 1-го до 30-го или 31-го; по семидневным циклам от понедельника до воскресенья 52 раза в году; по полугодиям – мысленно делим 12 месяцев пополам; по кварталам и т.д.).

Эра летосчисления – система учета лет, основанная на наличии исходной точки отсчета (ее называют эпохой эры) и особого порядка учета этих лет. Годы можно считать линейным арифметическим порядком (каждый новый год добавляет одно значение к счету) или порядком циклическим (древние греки считали годы по 4-летним циклам от одной Олимпиады до следующей, а затем начинали новый отсчет четырехлеток).

В нашей эре есть исходная точка отсчета (Рождество Христово) и линейный способ учета лет, согласно которому мы насчитали уже 2022 года этой эры и будем продолжать считать их дальше.

Календари и эры – два разных способа учета времени. В своей истории человечество различно комбинировало их соединения. Один и тот же календарь люди совмещали с разными эрами летосчисления, точно также как и одну эру могли сопровождать разные календари. Так, к примеру, мусульманская эра хиджра (счет лет велся от начала переселения пророка Мухаммеда из Мекки в Медину) употреблялась как с лунным, так и солнечным календарями (разница в счете дней между ними ежегодно достигала 10–11 суток), при этом эпоха эры оставалась неизменной (16 июля 622 г.). Примерно также восточнохристианская эра счета лет от Сотворения Мира применялась как со старинным александрийским календарем (начало года 29 августа), так и с константинопольским (1 сентября) и древнерусским (1 марта).

Петровский указ был ярким свидетельством необдуманного соединения понятий «календарь» и «эра летосчисления», и именно поэтому его текст и послужил основой появления позднейших ошибок. Это проявляется в том, что перечисляя «всѣ тѣ народы», которые «согласно лѣта свои счисляютъ отъ Рождества Христова оьсмь дней спустя, то есть *Генваря съ 1 числа...*» указ утверждает, что считают они «не отъ созданія міра, за многую разнь и считаніе въ тѣхъ лѣтахъ (*курсив наш. – С.Ц., Т.К.*)». Дата 1 января – это понятие из определения календарных систем, а Создание Мира – из систем летосчислительных. Соединение даты 1 января (календарный ориентир) и Сотворения Мира (летосчислительный ориентир) и породило это привычное, но глубоко ошибочное мнение о том, что Петр ввел в России новый календарь. Календарь остался прежним (юлианский), но, согласно петровскому указу, он был совмещен с новой эрой летосчисления (от Рождества Христова) и с новым календарным стилем (день новогодия был перенесен с 1 сентября на 1 января).

Еще одной несуразностью петровского указа, необдуманно повторяемой многими нашими современниками, является то, что в его тексте наступающий 1700 год от Рождества Христова был назван (и даже дважды) начальным годом нового столетия («...Генваря с 1 числа настанеть новый 1700 годъ купно и новый столѣтний вѣкъ...», «другъ друга поздравляя Новымъ годомъ и столѣтнимъ вѣкомъ...»). Здесь откровенно проявляется незнание структурного строения Христовой эры. Придавший ей в начале XVII в. современный вид (с зеркальным соединением счета лет от Рождества и счета до Рождества) французский иезуит Денис Петавий допустил случайную или намеренную ошибку: в его схеме летосчисления отсутствовал нулевой год на пограничье двух линий счета (между 1 годом до Рождества и первым годом после Рождества), хотя по всем правилам линейного математического счета он тут должен быть [Dionysii Petavii..., 1757]. Это привело к тому, что все сотенные (с двумя нулями в окончании) годы такого счета становились конечными, но не начальными годами столетий и тысячелетий. Похожую ошибку допускали в недавнем прошлом и многие наши современники, называвшие наступающий 2000 год от Рождества Христова «миллениумом», первым годом третьего тысячелетия, тогда как таким надо было именовать 2001 год.

Наконец, последнее. Почему-то устойчивым считается мнение о «голландском следе» времяисчислительной реформы Петра I (опять же не видим необходимости приводить ссылки на многочисленные научно-популярные и научные сочинения, повторяющие это мнение). Возникло оно, вероятно, под влиянием знания о том, что пребывание в Голландии было для молодого царя самым длительным временным эпизодом путешествия в составе Великого посольства, вследствие чего большинство приобретенных им новых знаний имели, как раз, голландское происхождение. Одно соображение, однако, заставляет нас считать, что Петр при всем желании не мог в точности скопировать голландский счет времени, поскольку в королевстве Нидерланды давно уже применялся григорианский календарь, и каждый год эры от Рождества Хрис-

това там начинался на 10 дней (а с 1701 г. уже на 11 дней) раньше, чем в России после петровской реформы. Правильней было бы говорить о британском или датском хронологическом влиянии на реформу Петра I, потому что в этих странах в конце XVII в. Христова эра применялась еще с юлианским календарем [Szymański, 1983, s. 127–128]. Может быть, в качестве дополнительного аргумента к нашему утверждению можно привести факт того, что первый послереформенный гражданский календарь, изданный типографским способом, получил имя одного из соратников Петра британца (точнее, шотландца) Якова Брюса, но вряд ли он будет существенным. Во-первых, потому, что, как ясно из заглавия этого издания, появилось оно благодаря «тщанию» библиотекаря Василия Киприанова и лишь «под назрением» Брюса, и, во-вторых, потому, что эту книгу сложно назвать полноценным календарем: лишь два ее раздела имели хронологическое содержание (святцы и Пасхалия), а остальные представляли собой справочные материалы географического, топографического, метеорологического, религиозного и прочего содержания [Филимон, 1993]. Именно про такие издания уже в XIX в. говорил один из персонажей грибоевского «Горя от ума»: «Всё врут календари!»).

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 3. № 1736.
2. Филимон А.Н. Брюсов календарь // Земля и вселенная. 1993. № 1. С. 45–53.
3. Dionysii Petavii Aurelianensis è Societate Jesu. De Doktrina Temporum Accesserunt Notae, et Emandation Quamplu. Tomus secundus. Venetiis, 1757.
4. Szymański J. Nauki pomocnicze Historii. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo naukowe, 1983. 778 s.

